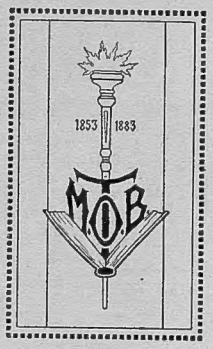
Автограф
200
90-62
Фирсов Н. Петр III и Екатерина II 1915

Глубокоуважаемому
Михаилу Михайловичу
Боголовскому
от автора.



1469

Северный Краевой
БИБЛИОТЕКА
ПОГАШЕНА
Институт

Императрица ЕКАТЕРИНА II въ юности.

Портретъ худ. Р. Лишевской, хранящійся въ Велико-герцогской библіотекѣ въ Веймарѣ.

200
Ф-62

ПЕТРЪ III и ЕКАТЕРИНА II

ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЕЯ ЦАРСТВОВАНІЯ

ОПЫТЪ ХАРАКТЕРИСТИКЪ

Проф. Н. Н. ѲИРСОВА

Съ портретами

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
Петроградъ | Москва
Гостин. Дв., 18 и Невскій, 13 | Кузнец. М., 12 и Тверская, 22
1915

Северный Краев
БИБЛИО...КА
Педагогический Институт
ТОГАШЕНО

Госуд. публичная историческая библиотека РСФСР
К 29852 1976г.

печать типографіи
Т-ва М·О·ВОЛЬФЪ
Петроградъ· Бас· остр· 16 линія соб· домъ·
1915

ПРЕДИСЛОВІЕ.

О Петрѣ III и Екатеринѣ II писано много. Репутація ихъ, какъ историческихъ лицъ, повидимому, прочно установлена въ исторической литературѣ. По господствующему въ ней взгляду Петръ III стоитъ какъ бы внѣ конкурса по нелѣпости и безсмысленности своихъ поступковъ и распоряженій. Но между тѣмъ въ теченіе его полугодичнаго царствованія объявлены нѣкоторыя важныя мѣропріятія, подхваченныя и Екатериной II при первыхъ же шагахъ ея собственнаго правленія. Такимъ образомъ возникаетъ противорѣчіе между безнадежной репутаціей Петра III и его—какъ ни какъ—правительственной дѣятельностью. Слѣдовательно, вопросъ о Петрѣ III и Екатеринѣ II требуетъ дополнительнаго выясненія безъ какой-либо предвзятости въ ту или другую сторону. Надо, мнѣ думается, внимательно всмотрѣться въ этихъ двухъ неравныхъ по своимъ душевнымъ свойствамъ лицъ нашей, полной неожиданностей и чудесъ, исторіи XVIII вѣка, надо сопоставить правительственную дѣятельность Петра III съ таковою же его супруги въ первые годы ея царствованія, чтобы вопросъ объ этихъ личностяхъ и о значеніи ихъ для русской жизни получилъ болѣе или менѣе правильное освѣщеніе. Такова цѣль предлагаемаго очерка.

Въ оправданіе появленія его можетъ служить и то обстоятельство, что сама Екатерина II подала поводъ къ сопоставленію себя со своимъ супругомъ, построивъ нижеприведенный „силлогизмъ“ съ поучительнымъ примѣромъ: „Петръ III—Екатерина II“.

Авторъ.

„Счастье не такъ слѣпо, какъ обыкновенно думаютъ“.. „Чтобы лучше доказать это, я построю слѣдующій силлогизмъ:

Первая посылка: качества и характеръ.
Вторая—поведеніе.
Выводъ—счастье или несчастіе.

И вотъ тому два разительныхъ примѣра:
Петръ III—Екатерина II“.

(*Изъ «Записокъ» императрицы Екатерины II*).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Петръ III и его царствованіе.

I.

ПЕТРЪ III, внукъ Петра I по его дочери Аннѣ Петровнѣ, въ замужествѣ герцогинѣ Голштинской (родился 10 февраля 1728 г.), получилъ очень дурное воспитаніе. Онъ росъ сиротой, лишившись матери черезъ 3 мѣсяца послѣ своего рожденія, а отца, когда ему не было и 11 лѣтъ. Его отецъ былъ человѣкомъ, способнымъ передать сыну Карлу-Петру-Ульрихъ лишь „несчастную страсть къ военщинѣ“. Дальнѣйшія вліянія, подъ дѣйствіемъ коихъ протекали отрочество и ранняя юность Карла-Петра, были еще хуже. Онъ явился по истинѣ несчастнымъ „l'enfant de Kiel“, какъ будущаго Петра III называли при русскомъ дворѣ. Есть извѣстіе, что уже 10 лѣтъ отъ роду маленькій голштинскій герцогъ проявлялъ склонность къ пьянству, и въ этомъ указаніи нѣтъ ничего невѣроятнаго, ибо впослѣдствіи, въ Россіи, онъ изумительно быстро пристрастился къ пьяному времяпрепровожденію. По характеру живой и своенравный, лишенный съ самаго начала жизни хорошаго руководства, наслѣдникъ двухъ престоловъ, шведскаго и русскаго, первое воспитаніе онъ получилъ у своихъ камердинеровъ, а доканчивалъ его, будучи наслѣдникомъ уже одного русскаго престола, въ обществѣ своихъ лакеевъ. Собственнаго желанія сдѣлаться наслѣдникомъ русскаго престола у голштинскаго герцога не было; его симпатіи клонились къ шведскому престолу, и, уступивъ желанію своей тетки

императрицы Елизаветы, онъ, какъ свидѣтельствуетъ Екатерина II, „нѣсколько разъ выражалъ, что ему пріятнѣе было бы уѣхать въ Швецію, нежели оставаться въ Россіи".

Переименованный въ Россіи въ великаго князя Петра Ѳедоровича, внукъ Петра Великаго не считалъ это за особую честь и выше и лучше новаго своего положенія почиталъ старое — голштинскаго герцога: онъ такъ и остался голштинскимъ герцогомъ до конца своей русской высокой карьеры. Будучи лютераниномъ по рожденію и первоначальному воспитанію, хотя и плохимъ, не любившимъ ходить въ церковь и исполнять благочестивые обряды, голштинскій герцогъ, сдѣлавшись наслѣдникомъ русскаго престола, долженъ былъ перевоспитываться въ духѣ греческаго православія, но изъ уроковъ отца Симона Тодорскаго ничего въ этомъ смыслѣ не вышло; ибо ученикъ, по строптивости своего характера и по отсутствію привычки сколько-нибудь со вниманіемъ относиться къ религіознымъ вопросамъ, оказался совершенно непоборимымъ; онъ такъ, тоже до конца, и остался болѣе чѣмъ беззаботнымъ насчетъ православія, обряды котораго, повидимому, представлялись ему еще смѣшнѣе, чѣмъ строгое лютеранское благочестіе. Смѣшливъ же Петръ Ѳедоровичъ былъ необычайно, и желаніе удовлетворять эту свою наклонность нерѣдко увлекало его къ весьма рискованнымъ поступкамъ. Кромѣ духа противорѣчія, въ неустойчивой и вихляющейся натурѣ Петра Ѳедоровича сидѣлъ еще болѣе безпокойный духъ озорства. Петра Ѳедоровича постоянно подмывало выкинуть какое-нибудь колѣнце и похохотать, и онъ не стѣснялся ни мѣстомъ, ни временемъ, ни лицомъ, когда представлялся случай, большею частью неудобный, пошалить и посмѣяться...

Его супруга Екатерина II въ своихъ запискахъ разсказываетъ довольно пикантные анекдоты объ этой сторонѣ характера Петра Ѳедоровича, хорошо теперь всѣмъ извѣстные; изъ нихъ довольно отмѣтить одинъ, это импро-

визированное зрѣлище, которое устроилъ себѣ и другимъ наслѣдникъ престола, просверливъ дыры въ двери въ комнату императрицы и воспользовавшись ими для нескромныхъ наблюденій. Такъ какъ къ этой шуткѣ были привлечены Петромъ Ѳедоровичемъ и другія лица, то, понятно, она не осталась неизвѣстной Елизаветѣ, и разгнѣванная нервная царица, выбранивъ наслѣдника самымъ жестокимъ образомъ, сдѣлала ему не менѣе энергичное предупрежденіе со ссылкой на отношеніе своего отца къ недостойному сыну; но эта горячая сцена не исправила Петра Ѳедоровича: онъ такъ и остался смѣшливымъ озорникомъ...

Немудрено, что при такихъ свойствахъ характера, занятія науками, въ чемъ Петръ Ѳедоровичъ очень нуждался по пріѣздѣ въ Россію и для чего императрицей Елизаветой были назначены ему учителя, совсѣмъ не пошли, и Петръ Ѳедоровичъ, обратившій въ шута профессора Штеллина, обязаннаго преподавать ему математику и исторію, такъ и остался малообразованнымъ человѣкомъ до конца жизни. Гораздо больше склонности, чѣмъ къ наукамъ, Петръ Ѳедоровичъ проявилъ къ искусствамъ. Изъ всѣхъ учителей и воспитателей, къ которымъ великій князь не имѣлъ ни малѣйшаго уваженія, наибольшій успѣхъ у него имѣлъ учитель танцевъ, бывшій настойчивѣе и аккуратнѣе другихъ учителей. Кромѣ того, Петръ Ѳедоровичъ любилъ драматическое искусство куколъ и съ удовольствіемъ занимался кукольнымъ театромъ, стремясь доставить развлеченіе не только себѣ, но и окружающимъ. Въ куклы вообще великій князь любилъ играть и въ совершенно зрѣломъ возрастѣ. Его супруга Екатерина II, если только она не шаржируетъ, свидѣтельствуетъ не безъ злорадной иронiи, что Петръ Ѳедоровичъ затруднялъ ее по ночамъ игрой именно въ куклы, которыя имъ обыкновенно вытаскивались изъ-подъ кровати на кровать; это оставило у Екатерины непріятное воспоминаніе тѣмъ болѣе, что къ такимъ неумѣстнымъ и несвоевременнымъ

занятіямъ Петръ Ѳедоровичъ привлекалъ свою молодую жену въ первое время ихъ супружества. Кромѣ того, великій князь пристрастился къ игрѣ на скрипкѣ, а также къ искусству дрессировки собакъ, устроивъ псарню рядомъ со спальней Екатерины. Послѣдней такимъ образомъ приходилось нюхать вонь, шедшую оттуда, и слушать по цѣлымъ днямъ то собачьи визгъ и вой, раздающіеся за выкриками великаго князя и ударами его палки, то несшіеся изъ его аппартаментовъ скрипичные звуки, приводившіе Екатерину не въ лучшее настроеніе, чѣмъ возня Петра Ѳедоровича съ собаками. Больше всего великій князь возлюбилъ военное искусство, представлявшееся ему въ видѣ системы ружейныхъ пріемовъ и шагистики. Екатерина жалуется и на это увлеченіе своего супруга, такъ какъ, ради этой своей страсти, великій князь „все время проводилъ со своими лакеями“, занимаясь съ ними военными упражненіями, „перемѣняя мундиры по двадцати разъ на день“ и совсѣмъ „не занимаясь“ своею молодою женою. Екатерина сообщаетъ намъ и много другихъ подобныхъ же и даже еще болѣе комическихъ данныхъ о времяпрепровожденіи великаго князя, но, принимая во вниманіе и оцѣнивая эти данныя, надо не забывать, что разсказчица—обиженная и оставленная супруга, потомъ жестоко отомстившая своему обидчику, и въ ея показаніяхъ мы должны признать извѣстную долю преувеличенія чисто сатирическаго свойства. Несомнѣнно, въ характерѣ и поведеніи Петра Ѳедоровича было много просящагося подъ сатирическое перо, а Екатерина имъ обладала въ достаточной мѣрѣ. Изъ всѣхъ данныхъ, сообщаемыхъ Екатериной, поскольку они подтверждаются и другими свидѣтельствами, видно, что ея злосчастный супругъ былъ человѣкомъ дурно воспитаннымъ, умственно и морально развинченнымъ, неспособнымъ ни къ упорному труду, ни къ систематической мысли; вдобавокъ это былъ человѣкъ, не знавшій и не любившій Россіи и, что всего

хуже, не желавшій ее знать, а при отсутствіи надлежащей подготовки къ управленію Россіей и неспособный полюбить страну, царствовать въ которой призвала его судьба. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, вмѣстѣ съ невысокой пробы смѣшливостью и озорствомъ, Петръ Ѳедоровичъ не чуждъ былъ ни проблесковъ правильной мысли, ни порывовъ добраго чувства, что явствуетъ изъ показаній другихъ лицъ, изъ нѣкоторыхъ его поступковъ и распоряженій.

II.

Въ обществѣ своихъ лакеевъ Петръ Ѳедоровичъ еще болѣе развилъ свою давнюю склонность къ пьянству, которое ко времени вступленія его на престолъ (26 декабря 1761 г.) уже было его прочной привычкой. Въ качествѣ русскаго императора Петръ III является предъ взоромъ наблюдателя просто хроническимъ алкоголикомъ. При дворѣ, сдѣлавшемся похожимъ на казарму, постоянно шелъ необузданный кутежъ. „Жизнь, которую ведетъ императоръ,—писалъ одинъ изъ наблюдателей-иностранцевъ,—самая постыдная: онъ проводитъ свои вечера въ томъ, что куритъ, пьетъ пиво и не прекращаетъ эти оба занятія иначе, какъ только въ пять или шесть часовъ утра и почти всегда мертвецки пьянымъ“. Другой наблюдатель, тоже иностранецъ, при этомъ расположенный къ Петру III, подтверждаетъ это сообщеніе, говоря, что петербургскій дворъ пріобрѣлъ „видъ и тонъ разгулявшейся казармы“. Нашъ русскій, невольный наблюдатель времяпрепровожденія Петра III, Болотовъ, бывавшій въ качествѣ адъютанта начальника полиціи во дворцѣ, самолично „въ растворенныя двери“ видѣлъ, какъ велъ себя государь, и слышалъ его застольные разговоры. Этотъ наблюдатель тоже свидѣтельствуетъ, что Петръ III рѣдко бывалъ „трезвъ и въ полномъ умѣ и разумѣ“. По разсказу Болотова, всего чаще императоръ напивался уже до обѣда, „опорожнивъ“ нѣсколько бутылокъ аглинскаго пива, „до котораго былъ превеликій охотникъ“, а за обѣ-

домъ, продолжая пить, болталъ „такой вздоръ и несладицы“, что у Болотова, слышавшаго ихъ, „обливалось даже сердце кровью отъ стыда предъ иностранными министрами“... Отсюда ясно, что многіе поступки Петра III, объясняемые нѣкоторыми историками, какъ поступки чуть ли не идіота, на самомъ дѣлѣ были поступками пьянаго человѣка. Въ пьяномъ или полупьяномъ состояніи Петръ III и публично оскорбляетъ бранью свою супругу, русскую императрицу, и продѣлываетъ разныя другія вещи, невозможныя и для не очень умнаго человѣка, если онъ находится въ нормальномъ состояніи.

Такимъ образомъ всѣ эти публичныя кривлянія, показыванія языка священникамъ во время службы, передразниванія старыхъ придворныхъ дамъ, не очень ловко дѣлавшихъ французскіе реверансы, и т. под. выходки, надо думать, были дѣяніями не только смѣшливаго и озорливаго, но и подвыпившаго или хорошенько не протрезвившагося человѣка. Дурно воспитанный, несдержанный, морально и умственно неряшливый, Петръ III не былъ глупцомъ: онъ былъ алкоголикомъ, окончательно потерявшимъ волю и потому неспособнымъ удерживаться отъ проявленія природныхъ его свойствъ, смѣшливости и озорства, даже въ такіе моменты, которые особенно призывали къ соблюденію приличія. Такъ, напр., когда послѣ присяги въ церкви новгородскій митрополитъ говорилъ рѣчь государю, то Петръ, по сообщенію Екатерины II, „былъ внѣ себя отъ радости и оной ни мало не скрывалъ и имѣлъ совершенно позорное поведеніе, кривляясь всячески и не произнося кромѣ вздорныхъ рѣчей, не соотвѣтствующихъ ни сану, ни обстоятельствамъ“. Екатерина называетъ его за такое поведеніе не инымъ кѣмъ, какъ „Арлекиномъ“, требовавшимъ, однако, „почтенія“ къ себѣ. Еще болѣе оживленъ и веселъ былъ императоръ во время похоронъ императрицы Елизаветы, изъ чего, по словамъ Екатерины, онъ „сдѣлалъ себѣ забаву“. Въ чемъ же заключалась эта

Императоръ ПЕТРЪ III въ юности.

Портретъ худ. Г. Х. Грота, хранящійся въ Романовской галлереѣ.

забава? „Нарочно“, разсказываетъ Екатерина II, „отстанетъ отъ везущаго тѣло одра“, пропустивъ траурную колесницу впередъ саженъ на 30, „потомъ изо всей силы добѣжитъ“; старшіе камергеры, державшіе шлейфъ его черной „епанчи“, оказались не въ состояніи такъ рѣзво бѣгать за государемъ, вслѣдствіе чего отпустили „епанчу“, и „ее раздувало вѣтромъ“; послѣднее обстоятельство забавляло императора, и онъ повторилъ „сію штуку“ нѣсколько разъ. Все это поступки такого рода, относительно которыхъ одинъ иностранецъ высказался въ томъ смыслѣ, что невозможно совершить ихъ, не будучи сумасшедшимъ. Но ихъ могъ совершить также и пьяный человѣкъ, т.-е. въ состояніи тоже ненормальномъ, однако не въ сумасшествіи... Въ самомъ дѣлѣ, Болотовъ въ своихъ запискахъ рисуетъ сцену, очень похожую на выходку Петра во время похоронъ, но прямо при этомъ указываетъ и на состояніе, въ которомъ разыгралась эта сцена, тогда какъ о состояніи въ другихъ случаяхъ позволительно только догадываться. Однажды, вставши изъ-за стола, за которымъ „прилежно“, по выраженію Болотова, „гремѣли рюмки и покалы“, государь съ обѣдавшими съ нимъ вышелъ въ садъ, и тамъ всѣ начали играть, какъ „маленькіе ребятки“: „ну всѣ прыгать на одной ножкѣ, а другіе согнутымъ колѣномъ толкать своихъ товарищей“... И такъ „играли“, къ прискорбію Болотова, „всѣ первѣйшіе въ государствѣ люди, украшенные орденами и звѣздами“: они „спрыгивали“, угощали другъ друга пинками колѣномъ сзади и другъ друга валили наземь... „Хохотъ, крики, біеніе въ ладоши раздавались всюду“; а „покалы гремѣли“, такъ заключаетъ Болотовъ свой безхитростный разсказъ.

Мы видимъ, что первѣйшіе сановники государства ведутъ себя не менѣе по-арлекински, чѣмъ и самъ смѣшливый и озорливый вѣнценосецъ, которому приписывается какая-то исключительная привилегія на безсмысленность

и глупость. При постоянномъ громѣ „покаловъ“ и должно было получаться то, что получалось—поведеніе совсѣмъ пьяныхъ или плохо проспавшихся людей. Нельзя, разумѣется, отрицать, что пьянству подавалъ примѣръ самъ Петръ III; но дѣло въ томъ, что окружавшіе его очень охотно подчинялись этому, да и всякому примѣру, а послѣ того трудно требовать, чтобы заброшенный мальчикъ, раньше не обладавшій властью, самъ не подчинился дурнымъ примѣрамъ и въ зрѣломъ возрастѣ не сдѣлался отчаяннымъ курякой и пьяницей. Курить онъ былъ большой охотникъ, и всѣ окружающіе „въ угодность государю“, свидѣтельствуетъ тотъ же Болотовъ, ему „подражать старались“, и комната, гдѣ находились государь и его гости, обыкновенно моментально наполнялась „густѣйшимъ дымомъ“, „а государю“, сообщаетъ Болотовъ, „то было и любо, и онъ ходючи по комнатѣ, только что шутилъ, хвалилъ и хохоталъ“. Значитъ, самая обстановка, условія, въ которыхъ находился, будучи самодержцемъ, этотъ полубольной и слабый человѣкъ, толкали его на продолженіе той постыдной жизни, которую раньше онъ велъ въ компаніи своихъ лакеевъ и которую теперь можно было развернуть во всю ширь, какая могла быть допущена его властью и всеобщимъ повиновеніемъ и пресмыкательствомъ предъ нимъ. Еще недавно всесильный Ив. Ив. Шуваловъ, пользовавшійся неизмѣримо большимъ значеніемъ при Елизаветѣ, чѣмъ ея племянникъ, наслѣдникъ престола, теперь стоялъ за стуломъ императора Петра III, „смѣялся и шутилъ съ нимъ“, какъ сообщаетъ въ одной изъ своихъ записокъ сама Екатерина II. Словомъ, и окружавшіе Петра III вельможи своимъ поведеніемъ какъ бы поддерживали въ немъ непочтенныя привычки, и этотъ императоръ въ сущности былъ вполнѣ достоинъ своего двора, все равно, какъ и дворъ былъ достоинъ его. Многіе изъ вельможъ Петра III въ нѣкоторомъ отношеніи были даже хуже своего патрона:

они втихомолку были „болѣе, чѣмъ недовольны царемъ“, пишетъ иностранный резидентъ, „но, по правдѣ сказать“, прибавляетъ онъ, „всѣ они подлы и раболѣпствуютъ“ [1]).

Такія свойства окружающихъ обыкновенно портятъ властителей и болѣе крѣпкихъ духовно, а Петръ III и безъ того былъ испорченъ и при условіи его самодержавнаго положенія и при раболѣпствѣ ему неизбѣжно предстояло покатиться дальше, по наклонной плоскости безудержнаго пьянства и, какъ результата его, разныхъ нелѣпостей... [2])

Недовольныхъ Петромъ III было много въ Петербургѣ, и они втихомолку воспользовались всѣми неблаговидными поступками домашней жизни Петра III и обратили ихъ на его голову, какъ государя. Какъ человѣка, Петра III нельзя оправдывать, хотя и должно объяснить, а какъ государь, при всемъ незнаніи Россіи, при всемъ нежеланіи его соблюдать ея интересы во внѣшней политикѣ, онъ успѣлъ въ теченіе полугодичнаго царствованія подписать нѣсколько указовъ, серьезное значеніе которыхъ для внутренней жизни Россіи было признано не только его женой и соперницей по власти, но и далекимъ отъ нихъ обоихъ и одинаково имъ чуждымъ русскимъ народомъ.

---

[1]) Записки Екатерины II, London, 1859, стр. 31, 33, 38—41 и др. Сочиненія императрицы Екатерины II, изд. Императ. Академіи Наукъ, 12-й томъ, 2-ой полут., стр. 501, 508 и 509, Ар. кн. Вор., XXI т.—Memoires de la princesse Dashkow, 30, 41. Записки Болотова. Русскій дворъ сто лѣтъ тому назадъ, 129, 133. Также переводъ записокъ Дашковой подъ редакц. Н. Д. Чечулина, С.-Петербургъ 1907 г.

[2]) Говорятъ, что странныя выходки Петра III „нельзя объяснить частымъ опьяненіемъ, потому, что онъ бывалъ пьянъ только по вечерамъ“ (Бильбасовъ, Исторія Екатерины II; т. I, 429); но едва ли это категорическое утвержденіе выдерживаетъ критику, ибо, во-первыхъ, изъ показаній Болотова и другихъ извѣстно, что Петръ III въ свое мимолетное царствованіе бывалъ часто пьянъ не только „по вечерамъ“, а, во-вторыхъ, можно ли назвать и утреннее состояніе человѣка нормальнымъ, если онъ обыкновенно по вечерамъ напивается пьянъ, нерѣдко проводя къ тому же въ кутежѣ всю ночь до 5—6 час. утра. А ненормальность такого лица, конечно, невозможно не поставить въ связь съ его вечернимъ состояніемъ, относительно котораго у историковъ, повидимому, не возникало сомнѣнія.

III.

Въ полугодичное царствованіе Петра III были объявлены весьма важныя распоряженія, касающіяся какъ отдѣльныхъ сословій, такъ и всего народа. Былъ изданъ законъ о вольности дворянства, уничтожены были торгово-промышленныя монополіи, и тѣмъ самымъ русскій торгово-промышленный міръ былъ освобожденъ отъ гнета привилегированныхъ „компанейщиковъ“, у архіереевъ и монастырей были отобраны населенныя имѣнія, и такимъ образомъ цѣлый разрядъ крестьянства былъ освобожденъ отъ крѣпостной зависимости. Любопытно, что считавшая себя главнымъ дѣйствующимъ лицомъ при воцареніи Екатерины II княгиня Дашкова, въ унисонъ со своей высокой покровительницей много говорящая въ своихъ запискахъ о чудачествахъ Петра III, о томъ, какъ онъ называлъ ее дурочкой и показывалъ ей языкъ и т. под., ни полслова не говоритъ о перечисленныхъ мѣропріятіяхъ, связанныхъ съ его царствованіемъ. Дѣлая общую характеристику Петра III, Дашкова говоритъ: „Поутру быть первымъ капраломъ на вахтъ-парадѣ, затѣмъ плотно пообѣдать, выпить хорошаго бургонскаго вина, провести вечеръ со своими шутами и нѣсколькими женщинами и исполнять приказанія прусскаго короля—вотъ что составляло счастье Петра III, и все его семимѣсячное царствованіе представляло изъ себя подобное безсодержательное существованіе изо дня въ день, которое не могло внушать уваженія“. Дальше этихъ особенностей царствованія Петра III кн. Дашкова не желала видѣть. Но историкъ не можетъ обойти своимъ вниманіемъ перечисленныхъ распоряженій, подписанныхъ именно этимъ государемъ-чудакомъ.

Законъ о вольности дворянской.

Законъ о вольности дворянства предоставлялъ его членамъ на волю служить и не служить. Это право являлось привилегіей высшаго сословія по

отношенію къ другимъ сословіямъ, обязаннымъ тѣми или другими повинностями государству. Дворянство освобождалось отъ единственной повинности, требовавшейся отъ него государствомъ—отъ службы. Это освобожденіе было завѣтной мечтой дворянства, (обязаннаго, согласно московской традиціи, Петромъ Великимъ пожизненной службой государству), и первый шагъ въ данномъ направленіи былъ сдѣланъ императрицей Анной Ивановной, ограничившей срокъ дворянской службы 25-ю годами. Теперь при Петрѣ III было произведено окончательное, не только фактическое, но и юридическое раскрѣпощеніе дворянства отъ государственной повинности. Это было результатомъ того фактически властнаго положенія, которое занимало дворянство въ государствѣ въ царствованіе Елизаветы Петровны, когда уже прежняя повинность являлась въ сущности однимъ изъ способовъ господства надъ страной. Но важно было для дворянства и юридическое раскрѣпощеніе, ибо, при этомъ условіи, дворянство прямо уже становилось привилегированнымъ сословіемъ: не даромъ дворянство желало этой вольности, и правительство Петра III вняло этому желанію. Кн. Щербатовъ, гордый своею принадлежностью къ россійскому дворянству и горячій выразитель его интересовъ, въ извѣстной запискѣ „о поврежденіи нравовъ въ Россіи“ разсказываетъ, что „дворянская вольность“ въ Россіи родилась въ ту ночь, когда Петръ III „веселился“ съ кн. Куракиной и, разумѣется, о дворянской вольности не помышлялъ.... Ему, пожелавшему провести ночь съ Куракиной, просто надо было какъ-нибудь замести слѣдъ ночного пребыванія отъ своей офиціальной фаворитки графини Воронцовой, и Петръ, при послѣдней, сказалъ своему секретарю Волкову, что „онъ имѣетъ съ нимъ сію ночь препроводить въ исполненіи извѣстнаго имъ важнаго дѣла въ разсужденіи благоустройства государства“. Волковъ былъ „запертъ въ пустую комнату съ датской собакой“ на время, пока государь оставался съ Куракиной. Очутившись на такомъ импровизированномъ

„совѣщаніи“, Волковъ подумалъ и написалъ манифестъ о вольности дворянства, ибо вспомнилъ, что именно объ этомъ предметѣ Петру III часто внушалъ гр. Р. Л. Воронцовъ. Послѣ ночи, проведенной съ княгиней Куракиной, Петръ III подписалъ представленный ему волковскій законопроектъ,— и такъ явился во „всенародное извѣстіе знаменитый манифестъ о вольности дворянской [1]). Трудно болѣе опошлить отношеніе къ закону о вольности дворянской, чѣмъ какъ это сдѣлалъ выдающійся дворянскій публицистъ екатерининской эпохи. Весь разсказъ походитъ на анекдотъ, но на такой, который дышитъ глубочайшимъ презрѣніемъ къ офиціальному виновнику означеннаго закона; въ этомъ разсказѣ читателю дается понять, что самая мысль о таковомъ законѣ была чужда Петру III, что ее внушалъ ему отецъ его любовницы, а осуществилъ эту мысль совсѣмъ невзначай, случайно, секретарь императора, когда тотъ измѣнялъ одной своей любовницѣ съ другой. Но такое освѣщеніе вопроса, характерное для дворянскаго публициста, заплатившаго Петру III за „дворянскую вольность“ черною неблагодарностью, неправильно. Самъ секретарь Волковъ, перечисляя законопроекты, которые принадлежали его перу, не упоминаетъ манифеста о дворянской вольности. Затѣмъ вполнѣ точно установлено, что 17-го января 1762 г. Петръ III въ теченіе 2-хъ часовъ былъ въ сенатѣ и, между разными распоряженіями, тогда имъ сдѣланными, онъ заявилъ о своемъ рѣшеніи дать дворянамъ право „службу продолжать по своей волѣ, сколько и гдѣ пожелаютъ“. Самый же манифестъ вышелъ чрезъ мѣсяцъ, 18-го февраля (1762 г.). Такимъ образомъ, сказать, что Петръ III въ этомъ вопросѣ былъ безсознательнымъ орудіемъ другихъ лицъ, какою-то машиною, подписывающею манифестъ, написанный отъ нечего дѣлать въ неожиданномъ заключеніи Волковымъ,—мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія. Въ

[1]) О поврем. прав. стр. 79 и 80.

манифестѣ о „дарованіи вольности и свободы всему россійскому дворянству“, указавъ на систему принужденія для дворянъ учиться и служить, господствовавшую при Петрѣ Великомъ и послѣ него и доставившую Россіи много свѣдущихъ и годныхъ къ дѣлу людей, патріотовъ съ „благородными мыслями“, вкоренившими въ сердцахъ дворянъ усердіе къ службѣ, вѣрность и любовь къ престолу (вслѣдствіе чего самая система отжила свой вѣкъ), законодатель въ заключеніе высказываетъ надежду, что дворяне попрежнему и при дарованной „вольности“ будутъ „ревностно служить и съ прилежаніемъ и раченіемъ“ обучать своихъ дѣтей „благопристойнымъ наукамъ“; при этомъ, заявляетъ законодатель, всѣ нерадивые, которые совсѣмъ не станутъ служить, всѣ праздные и лѣнивые, не помышляющіе объ обученіи дѣтей своихъ полезнымъ наукамъ для отечества, не будутъ имѣть въ государствѣ никакого значенія, будутъ, наоборотъ, презираемы, какъ нерадивые о добрѣ общемъ, и они не будутъ терпимы ни при дворѣ, „ни въ публичныхъ собраніяхъ и торжествахъ“. „Вольность“ и „свобода“ касательно службы, при всѣхъ ограниченіяхъ и оговоркахъ, шли настолько далеко, что дворянамъ россійскимъ давалось право не только не служить Россіи опредѣленнаго срока (а служить столько, „сколь долго пожелаютъ и ихъ состояніе имъ позволитъ“), но и служить „въ прочихъ союзныхъ европейскихъ державахъ“, при чемъ свободно отъѣхавшимъ русскимъ дворянамъ для службы въ другія европейскія государства не закрывался затѣмъ доступъ обратно на русскую службу: они могли, по возвращеніи въ отечество, опять быть приняты на имѣющіяся „ваканціи“ „по желаніямъ и способности“ и „даже“ „тѣми же чинами“, если за границей находились на службѣ коронованныхъ главъ [1]).

Этотъ манифестъ „о дворянской вольности“, сдѣлав-

[1]) П. С. З. XV, № 11444.

шій положеніе дворянства привилегированнымъ, въ свою очередь явился самымъ яркимъ отраженіемъ въ законодательствѣ соціально-экономическаго и политическаго господства этого класса въ жизни.

Секуляризація монастырскихъ населенныхъ имѣній.

Отобраніе у монастырей и архіереевъ населенныхъ имѣній еще болѣе доказываетъ, что въ общемъ внутренняя политика Петра III шла прежнимъ русломъ — по направленію удовлетворенія интересовъ главнымъ образомъ дворянства. Вопросъ о монастырской поземельной собственности одинъ изъ старѣйшихъ вопросовъ русской государственной и общественной жизни, и въ московскую пору съ монастырскимъ землевладѣніемъ всегда боролись представители служилаго землевладѣнія въ интересахъ этого послѣдняго. Споръ, породившій въ XV—XVI в. цѣлую полемическую литературу, въ основѣ своей имѣлъ матеріальные классовые интересы, какими бы политико-административными, богословскими и моральными тенденціями не прикрывались спорившія стороны. Такъ было и теперь, во 2-й половинѣ XVIII в.: отобраніе монастырскихъ и архіерейскихъ вотчинъ могло послужить только на пользу русскому дворянству. Прежде всего съ хлѣбнаго рынка устранялся сильный конкуррентъ по доставкѣ на него хлѣба — монастырь, а затѣмъ, секуляризація, увеличивая оскудѣвавшій отъ раздачъ фондъ государственныхъ земель, сулила дворянству въ будущемъ увеличеніе этихъ раздачъ, немедленно же многимъ представителямъ этого сословія давала возможность получить выгодную службу по управленію секуляризованными имѣніями. Не говоря о попыткахъ въ этомъ направленіи при царяхъ Алексѣѣ и Петрѣ I, секуляризація уже подготовлялась въ послѣдніе годы предшествующаго Петру III Елизаветинскаго царствова ія, и это служитъ наглядным доказательствомъ того, что данную мѣру нельзя разсматривать, какъ проявленіе личнаго непредусмотрительнаго произвола и безтактно-отрицатель-

наго отношенія Петра III къ православному духовенству. Петръ III еще 17-го января приказалъ Сенату имѣть конференцію съ Синодомъ о монастырскихъ крестьянахъ, а въ указѣ отъ 16-го февраля (1762 г.), данномъ Сенату о скорѣйшемъ приведеніи въ исполненіе того, что было сдѣлано по этому вопросу при Елизаветѣ, государь опредѣленно отмѣчаетъ связь своей рѣшимости въ отношеніи секуляризаціи съ замыслами своей благочестивой „тетки“ касательно того же самаго предмета: „Тетка наша“, говорится въ указѣ, „соединяя благочестіе съ пользою отечества и премудро различая вкравшіяся злоупотребленія и предубѣжденія отъ прямыхъ догматовъ вѣры и истинныхъ основаній нашея православн. церкви, за потребно нашла монашествующихъ, яко сего временнаго житія отрекшихся, освободить отъ житейскихъ и мірскихъ попеченій“ [1]). А изъ „именного указа отъ 21-го марта, объявленнаго во всенародное извѣстіе, вслѣдствіе именного же указа“, сейчасъ процитированнаго, мы узнаемъ, въ чемъ собственно должно было выразиться это, опять богословски обоснованное, освобожденіе „монашествующихъ“ „отъ житейскихъ и мірскихъ попеченій“; предполагалось 1) изъять управленіе монастырскими и архіерейскими деревнями изъ рукъ „монастырскихъ служекъ“ и отдать его въ руки отставныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, 2) переложить эти „деревни всѣ въ помѣщичьи оклады“, 3) новый доходъ, имѣющій отъ того переложенія получиться, „собирать весь на монастыри“. Это—главныя основанія, на которыхъ Елизавета предполагала водрузить „новое устройство“ управленія монастырскими и архіерейскими имѣніями. Въ этихъ „основаніяхъ“, какъ и въ послѣдующихъ оговоркахъ относительно расходовъ ихъ, „что по штатамъ положено“, относительно содержанія на монастырскіе доходы отставныхъ, коихъ „уже нѣсколько лѣтъ они не содержали“, относи-

[1]) Полное Собраніе Законовъ, XV томъ, № 11441.

тельно учрежденія инвалидныхъ домовъ на проценты съ собираемыхъ „за прошедшіе годы“ денегъ,—слышится вѣяніе законоположеній Петра Великаго. Петръ III пошелъ по тому же пути дальше предначертаній своей тетки. Этимъ же указомъ, въ которомъ были сдѣланы приведенныя и другія ссылки, было повелѣно учредить въ Москвѣ подъ вѣдомствомъ Сената Коллегію Экономіи, а въ Петербургѣ контору „отъ той коллегіи“, которой должно быть преподано Сенатомъ надлежащее наставленіе. На эти учрежденія была возложена обязанность опредѣлить „для управленія“ и надзора надъ монастырскими и архіерейскими вотчинами и „для защищенія крестьянъ отъ всякихъ обидъ въ каждую губернію и провинцію по одному штабъ-офицеру, а въ прописные города, гдѣ тѣ вотчины немалымъ числомъ состоятъ“,—„по одному оберъ-офицеру“; эти офицеры должны быть снабжены „инструкціями“ на основаніи даннаго Сенату монаршаго указа. „Прежнимъ же“, такъ заканчивается 1-й пунктъ распоряженія Петра III, „не токмо изъ монашествующихъ и прочихъ духовныхъ персонъ, но и изъ монастырскихъ служекъ управителями не быть, и до того ихъ не допускать, и кои есть, тѣхъ всѣхъ отрѣшить“.

Крестьянское населеніе духовнаго вѣдомства съ этихъ поръ устраивалось на иныхъ основаніяхъ. Всѣ эти синодальные, архіерейскіе, монастырскіе, соборные, къ церквамъ и пустынямъ приписанные крестьяне до разсматриваемаго указа были крѣпостными духовенства, будучи разбиты между учрежденіями духовнаго вѣдомства, главнымъ образомъ между монастырями и архіерейскими домами. Теперь они освобождались отъ этой крѣпости и вмѣсто всѣхъ прежнихъ сборовъ, поступавшихъ съ нихъ въ монастыри, архіерейскіе дома, соборы, церкви и пр., облагались, сверхъ подушнаго семигривеннаго оклада, „единственнымъ“ рублевымъ сборомъ,—какъ говорится въ указѣ: „въ таковой рублевый сборъ дворцовые и Свят. Правит.

Син. Синодальные, а потомъ и всѣ государственные крестьяне обложены". Земля, которую освобожденные отъ крѣпости церковные крестьяне пахали на архіереевъ, монастыри, соборы, церкви, пустыни, отдавалась этимъ крестьянамъ; остальныя же церковныя земли, которыя и раньше не обработывались крѣпостными церкви, а отдавались „въ наемъ и оброки", и теперь было велѣно отдавать желающимъ въ оброкъ; эта отдача, равно какъ и сборъ „рублевыхъ" оброчныхъ денегъ съ бывшихъ церковныхъ земель, а также съ имѣющихся въ тѣхъ вотчинахъ мельницъ, рыбныхъ ловель, соляныхъ варницъ, были возложены на приставленныхъ къ бывшимъ церковнымъ вотчинамъ штабъ и оберъ-офицеровъ; всѣ эти сборы должны были поступить въ Коллегію Экономіи и состоять въ „полномъ" ея „вѣдомствѣ" [1]). До этого коллегія экономіи была подчинена Синоду, теперь ее перевели подъ власть Сената.

Итакъ, крѣпостные духовенства перестали быть таковыми, и раскрѣпощеніе ихъ, подготовленное попытками предшествовавшаго времени, особенно Петромъ Великимъ, рѣшительно было совершено Петромъ III, почему въ представленіи народныхъ массъ и связалось съ его именемъ. Если давняя борьба монастырскихъ крѣпостныхъ за лучшее правовое положеніе была верховной властью, въ лицѣ Петра III, рѣшена въ пользу этихъ крестьянъ, то неудивительно, что среди и всего крѣпостного крестьянства возникла надежда на скорое освобожденіе тѣмъ же способомъ—повелѣніемъ верховной власти. Укрѣпленію этой надежды содѣйствовали и нѣкоторыя другія мѣры того же самаго Петра III. Такъ, 21 марта 1762 г. былъ подписанъ имъ именной на докладъ Сената указъ (повторенный потомъ въ сенатскомъ указѣ отъ 29 марта), запрещавшій купцамъ впредь, до утвержденія новаго Уложенія, покупать крестьянъ къ фабри-

Другія мѣропріятія Петра III.

[1]) П. С. З. XV, № 11, 481, № 11498—указъ 6-го апрѣля 1762 г.

камъ и заводамъ: было приказано фабрикантамъ „довольствоваться вольными наемными по паспортамъ за договорную плату людьми“ [1]). Указъ этотъ, опять-таки имѣлъ въ виду интересы дворянства, у котораго въ лицѣ купеческой группы фабрикантовъ и заводчиковъ являлся конкурентъ по пользованію крѣпостнымъ трудомъ, но никто, вѣроятно, не станетъ отрицать и того, что это запрещеніе произвело радостное впечатлѣніе и на крестьянство.

Разныя благожелательныя по отношенію къ крестьянству и вообще низшимъ классамъ населенія мѣры, въ родѣ уменьшенія тарифа на соль, или полицейскаго характера, напр., о нетребованіи паспортовъ съ пріѣзжающихъ въ Москву и изъ нея уѣзжающихъ, о незаписываніи на заставахъ пріѣзжающихъ въ Москву крестьянъ съ хлѣбомъ и съ разными съѣстными припасами [2]), и, особенно, манифестъ объ уничтоженіи Тайной канцеляріи съ ея „ненавистнымъ изображеніемъ“ — „слово и дѣло“, отъ чего [3]) страдали главнымъ образомъ низшіе податные классы, и относительно чего было заявлено, что эти слова („слово и дѣло“) отнынѣ „не долженствуютъ значить ничего“, наконецъ, прекращеніе гоненія и притѣсненій раскольниковъ [4]), весьма вліятельныхъ въ низшихъ слояхъ населенія,—всѣ эти мѣры не могли не вызывать во всемъ простомъ народѣ извѣстнаго подъема настроенія... Естественно возникли мечтанія о будущемъ въ тѣхъ слояхъ населенія, которые были наиболѣе угнетены; а это и было крѣпостное крестьянство, окрыляемое освобожденіемъ монастырскихъ и архіерейскихъ крестьянъ.

Освободительнаго характера является и тотъ тоже важный указъ, который касается купечества; это указъ (28 марта 1762 г.), коимъ были упразднены привилеги-

[1]) П. С. З. XV, 11490.
[2]) П. С. З. XV, 11446, указъ 21 февраля.
[3]) П. С. З. XV, 11 45, указъ 21 февраля.
[4]) П. С. З. XV, 11421, указъ 29 января; П. С. З. XV, 11434, 1-го февраля; 11435, февраля 7-го.

рованныя торговыя компаніи, оперировавшія на началахъ монополіи. Такія компаніи были объявлены убѣжищемъ только банкротовъ, выпрашивавшихъ себѣ лишь „имя компаніи“, чтобы торгъ захватить „въ свои однѣ руки и въ разореніи многихъ своего спасенія искать“; слѣдуя теоріи меркантилистовъ, указъ вооружается противъ роскоши, отъ которой „много потеряно изъ баланса въ коммерціи“: Петръ III самъ „къ сокращенію роскошей“ обѣщаетъ показывать примѣръ, высказавъ надежду, что его подданные станутъ слѣдовать этому примѣру; но тутъ же сдѣлана оговорка въ томъ смыслѣ, что и при борьбѣ съ роскошью „коммерція должна быть не сокращена, а такъ благоразумно и разсмотрительно распоряжена, что всѣ и каждый по мѣрѣ и состоянію своему въ оной соучаствуетъ“.[1]).

Извѣстно, что торговыя монополи, принося громадные барыши немногимъ компанейщикамъ изъ купечества и нѣкоторымъ, вступившимъ въ торги, вельможамъ, были въ высшей степени тягостны всему населенію страны. Предлагая всѣ привилегированныя компаніи „немедленно уничтожить“, упомянутый указъ поясняетъ: „ибо оныя не суть что-либо иное, какъ только неправедное присвоеніе одному того, что всѣмъ принадлежитъ“. Купечество и промысловой людъ прямо разорялись отъ монополій, будучи поставлены тоже въ своего рода крѣпостную зависимость отъ немногихъ привилегированныхъ „конторъ“. Но и дворянство, а также и крестьянство, главные поставщики на рынокъ хлѣба, терпѣли отъ монополій немалые ущербы, ибо цѣна на этотъ продуктъ устанавливалась и нерѣдко сбивалась, при покупкахъ, до крайности—монополистами въ торговлѣ.

Такимъ образомъ и данное узаконеніе Петра III, имѣя въ виду интересы большинства населенія, купечества, про-

[1]) П. С. З. XV, № 11489; Н. Н. Ѳирсовъ: „Правительство и общество въ ихъ отношеніяхъ къ внѣшней торговлѣ Россіи въ царствованіе императрицы Екатерины II“, Казань 1902; 193.

мышленниковъ и крестьянства, шло на помощь и кровнымъ интересамъ дворянства, давно ревновавшаго къ торгово-промышленнымъ привилегіямъ небольшой группы капиталистовъ. Что дворянскіе интересы во внутренней политикѣ Петра III стояли, можно сказать, на первомъ планѣ, доказывается съ очевидностью и тѣмъ указомъ, которымъ были подтверждены прежніе указы о запрещеніи крестьянамъ подавать жалобы на Высочайшее имя, и въ особенности манифестомъ 19-го іюня. Въ этомъ манифестѣ прежде всего сообщается о возникшихъ въ нѣкоторыхъ вотчинахъ волненіяхъ крестьянъ, „прельщенныхъ и ослѣпленныхъ разсѣянными отъ непотребныхъ людей ложными слухами“, — несомнѣнно слухами о близкой волѣ, которые были созданы освободительными же мѣрами самого Петра III. Далѣе, въ манифестѣ преподанъ крѣпостному крестьянству урокъ раскаянія и „безмолвнаго повиновенія“ своимъ помѣщикамъ, подъ страхомъ наказанія „по всей строгости законовъ“ за „своевольство“ и „непослушаніе“; угрожалъ манифестъ, конечно, и агитаторамъ ложныхъ слуховъ, какъ „возмутителямъ государственнаго покоя“. Главное же, въ манифестѣ было категорично заявлено о монаршемъ намѣреньи сохранить крѣпостное право въ дворянскихъ вотчинахъ: дабы никто не выходилъ „изъ предѣловъ своего званія и должности“, намѣрены мы, говорилось здѣсь, „помѣщиковъ при ихъ имѣніяхъ и владѣніяхъ ненарушимо сохранять, а крестьянъ въ должномъ имъ повиновеніи содержать“ [1]). Дворянство могло быть тѣмъ болѣе спокойно, что винокуренные заводы Петръ III объявилъ дворянской привилегіей.

Итакъ, изъ главнѣйшихъ, подписанныхъ Петромъ III, указовъ, видно, что его внутренняя политика не была анти-дворянской. Напротивъ, она продолжала то дворянское ея направленіе, которое, отразившись уже на осно-

[1]) П. С. З. XV, 11577.

вномъ законодательномъ памятникѣ XVII в., на Уложеніи царя Алексѣя, затѣмъ развивалось и укрѣплялось въ теченіе всей 1-ой половины XVIII стол. Не замѣчается въ этой политикѣ и того специфическаго оттѣнка, который все же былъ свойственъ внутренней политикѣ эпохи „Кабинета министровъ", такъ называемой Бироновщины, съ ея бергъ-директоріумомъ, Шембергомъ, травлей русскихъ людей, разборами православнаго духовенства въ солдаты и т. под. Государь былъ нѣмецъ; наиболѣе пріятными ему людьми были голштинскіе земляки и прусскіе офицеры, сдѣлавшіеся при его дворѣ чѣмъ-то въ родѣ военныхъ инструкторовъ; лучшей страной въ мірѣ въ его глазахъ была любезная ему Голштинія, величайшимъ государемъ и образцомъ—прусскій король Фридрихъ II, у котораго этотъ самодержецъ Россіи считалъ за честь числиться командиромъ полка; но все это не отражалось на внутренней политикѣ Петра III, продолжавшаго идти по слѣдамъ своего великаго „дѣда" Петра I и своей благочестивой „тетки" Елизаветы. Кромѣ вышеизложенныхъ законоположеній, читая такіе указы, объявленные Петромъ III вскорѣ по воцареніи, какъ напр., объ учрежденіи коммиссіи для приведенія въ лучшее состояніе флотовъ (16-го февраля) или объ учрежденіи другой военной комиссіи для приведенія въ лучшее состояніе войскъ (6-го марта), состояніе которыхъ, какъ выяснилось въ Семилѣтнюю войну, было далеко не блестяще, — мы еще болѣе убѣждаемся въ справедливости высказаннаго положенія [1]).

Недаромъ и Фридрихъ II писалъ впослѣдствіи, по низверженіи и гибели Петра III: „бѣдный императоръ хотѣлъ подражать Петру I, но у него не было его генія" [2]).

Ненаціональнаго характера мы не замѣчаемъ въ составѣ правительства Петра III; правда, уничтоживъ елизаветинскую „конференцію", приказавъ передать

[1]) П. С. З., XV, №№ 11442, 11461.
[2]) Русскій дворъ сто лѣтъ тому назадъ, 154.

ея дѣла въ Сенатъ и иностранную коллегію, этотъ государь не могъ остаться, какъ и его предшественники, безъ ближней думы: около себя онъ образовалъ тоже правительственный кружокъ, не получившій наименованія; но въ этотъ ближній совѣтъ вошелъ такой столпъ русскаго направленія, какъ фельдмаршалъ князь Никита Юрьевичъ Трубецкой и, кромѣ него, другой сенаторъ канцлеръ гр. Воронцовъ. Сенатъ же поголовно состоялъ изъ русскихъ людей, въ немъ было 13 членовъ, а именно: гр. Михаилъ Ларіоновичъ Воронцовъ, гр. Романъ Иларіоновичъ Воронцовъ, кн. Никита Юрьевичъ Трубецкой, кн. Петръ Никитичъ Трубецкой, кн. Михаилъ Михайловичъ Голицынъ, кн. Алексѣй Дмитріевичъ Голицынъ, графъ Александръ Ивановичъ Шуваловъ, кн. Иванъ Васильевичъ Одоевскій, Иванъ Ивановичъ Неплюевъ, Александръ Борисовичъ Бутурлинъ, Александръ Григорьевичъ Жеребцовъ, Петръ Спиридоновичъ Сумароковъ, Иванъ Ивановичъ Кастюринъ. При такомъ составѣ Сената вполнѣ понятно, что дворянскіе интересы обезпечивались въ указахъ, регламентировавшихъ внутреннія отношенія. Если мы обратимъ вниманіе на наиболѣе вліятельныхъ лицъ въ ближнемъ совѣтѣ Петра III, то и тутъ все-таки главныя дѣйствующія лица, творцы законоположеній—русскіе люди, это — дѣйствительный статскій совѣтникъ, тайный секретарь Петра III—Волковъ и генералъ-прокуроръ Глѣбовъ. А далѣе, кромѣ родственниковъ императора — двухъ голштинскихъ принцевъ (принца Георгія—генерала прусской службы и принца Петра-Августа-Фридриха Голштинъ-Бекскаго) въ этомъ Совѣтѣ присутствовали: возвращенный изъ ссылки генералъ-фельдмаршалъ Минихъ, генералъ-фельдмаршалъ кн. Трубецкой, канцлеръ гр. Воронцовъ, генералъ-фельдцейхм йстеръ Вильбоа, генералъ-поручикъ кн. Волконскій, генералъ-поручикъ Мельгуновъ и бывшій елизаветинскій фаворитъ И. И. Шуваловъ. Такимъ образомъ, и составомъ правительства, какъ рядовыхъ его членовъ, такъ и главныхъ, русское

Императоръ ПЕТРЪ III.

Портретъ худ. А. П. Антропова, хранящійся въ Сенатѣ.

общество не могло быть недовольно, какъ чѣмъ-то ему чуждымъ, ненаціональнымъ... Надо удивляться, наоборотъ, національности этого состава, при государѣ-нѣмцѣ, окруженномъ пріятелями и собутыльниками—иностранцами, въ родѣ Гудовича и Унгернъ-Штернбєрга, не имѣвшими, однако вліянія на внутреннія государственныя дѣла; впрочемъ, и въ числѣ самыхъ близкихъ людей Петра III мы видимъ русскихъ, напр., кромѣ отца фаворитки канцлера Воронцова, — шталмейстера Льва Нарышкина, генерала гр. Кирилла Разумовскаго, котораго Петръ III любилъ рядить въ шуты, а тотъ платилъ ему тонкой хохлацкой ироніей и тайной непріязнью; такъ что и въ выборѣ Петромъ III самыхъ близкихъ лицъ, постоянныхъ сотрудниковъ и собесѣдниковъ, едва ли можно видѣть какую-либо особенную исключительность, проявленную имъ на дѣлѣ.

Оцѣнка внутренней политики Петра III.

Итакъ, обобщая все сказанное о внутренней политикѣ Петра III, мы должны признать, что въ ней не было ничего такого, что могло бы вызвать недовольство имъ, какъ государемъ, со стороны большинства русскаго общества и тѣмъ менѣе народа. Напротивъ, русское дворянство въ цѣломъ, разбросанное по всей Россіи, могло быть только довольно Петромъ III, ибо его главнѣйшіе указы клонились къ дворянскимъ интересамъ: получивъ „вольность“, дворянство въ особомъ манифестѣ получило и монаршую гарантію неприкосновенности крѣпостного права. Масса торгово-промышленныхъ людей тоже могла быть только довольна Петромъ, освободившимъ ихъ отъ давленія и разоренія монополистами. Освобожденные монастырскіе и архіерейскіе крестьяне тотчасъ же перестали волноваться, какъ только Петромъ III были перечислены отъ прежнихъ своихъ владѣльцевъ въ Коллегію экономіи и сравнены въ правахъ съ государственными крестьянами, а освобожденіе отъ крѣпостного ига крестьянъ духовнаго вѣдомства могло вызвать въ остальной крѣпостной массѣ только надежды именно на этого государя, какъ на воз-

можнаго освободителя всего крѣпостного народа, и, какъ извѣстно, и вызвало. Могло быть недовольно, и дѣйствительно вознегодовало по адресу Петра III лишь черное духовенство, лишенное имъ собственности—обширной земельной площади и даровыхъ рабочихъ рукъ, лишенное капитала громадной цѣнности. Вопросъ объ этихъ имѣніяхъ зародился давно; ко времени Петра III онъ былъ уже тронутымъ вопросомъ въ направленіи отрицательнаго рѣшенія—не владѣть черному духовенству вотчинами, но все-таки окончательно не рѣшеннымъ: его радикально отважился рѣшить слабенькій императоръ, пришедшій въ Россію со стороны и въ ней нисколько психически не акклиматизировавшійся... Не нажилъ онъ здѣсь ни серьезнаго отношенія ко всему, что касается до религіи и церкви, ни пониманія всей опасности для себя коснуться того, что въ старину было утверждено „за святителями и монастырями“ „страшными клятвами“ и чего не смѣли, какъ указывали когда-то „стяжатели“, касаться даже „невѣрные и нечестивые“ цари, т.-е. татарскіе ханы, боявшіеся Бога. Въ этомъ безбоязненномъ отношеніи къ вопросу о святительскихъ и монастырскихъ населенныхъ имѣніяхъ и заключается типическая черта правленія Петра III. Древній споръ іосифлянъ съ противниками ихъ владѣній былъ, наконецъ, законченъ самодержавною властью „русскаго“ государя-нѣмца; но это ему не прошло даромъ. То же самое духовенство, которое, поступившись своимъ авторитетомъ, придало самодержавію религіозный, теократическій оттѣнокъ, и въ старину не желало мириться съ такимъ властителемъ, который посягнулъ бы на церковныя „стяжанія“, называя его діаволомъ и мучителемъ и разрѣшая подданнымъ ему не повиноваться — не потерпѣло такого смѣльчака и теперь: оно сумѣло воспользоваться и иноземнымъ происхожденіемъ самодержца, и его нетрезвымъ поведеніемъ, и его пьяными выходками, разрѣшило отъ присяги подданныхъ и энергично посодѣйствовало его гибели.

IV.

Отношеніе Петра къ духовенству и къ православной церковности.

Духовенство и вообще не могло быть довольно Петромъ III. Онъ не скрывалъ своего презрѣнія къ нему и при всякомъ случаѣ проявлялъ это презрѣніе въ свойственныхъ ему дикихъ, озорливыхъ поступкахъ.

Не скрывалъ Петръ III своего презрѣнія къ формамъ и обрядамъ русскаго богослуженія, высказываясь за его упрощеніе по лютеранскому образцу. Иконы, кромѣ образа Спасителя и Богоматери, ему представлялись столь же лишними, какъ бороды и рясы русскихъ „поповъ“, и онъ желалъ иконы убрать изъ церквей, а священниковъ превратить въ протестанскихъ пасторовъ, въ императорскомъ же дворцѣ учредить протестанскую церковь. Развязность Петра III во время православной церковной службы выходила изъ границъ самой элементарной благопристойности. И такое отношеніе къ тому, что русскіе привыкли глубоко чтить, Петръ III проявлялъ въ то время, когда, какъ бы для контраста его кощунственному поведенію, его супруга Екатерина съ искусствомъ прекрасной актрисы играла роль печальной императрицы, искренно преданной православію и всѣмъ его религіознымъ установленіямъ и обычаямъ. Въ „Духовъ день“, по сообщенію иностраннаго наблюдателя, императоръ во время богослуженія, когда Екатерина „съ благоговѣніемъ молилась“, расхаживалъ по церкви взадъ и впередъ, громко разговаривая, нисколько не стѣсняясь, какъ будто бы находился въ своихъ собственныхъ покояхъ, а когда всѣ встали на колѣни, Петръ III захохоталъ и вышелъ изъ церкви, вернувшись сюда уже по окончаніи колѣнопреклоненія.

Отношеніе къ Петру III духовенства.

Такимъ поведеніемъ, обусловленнымъ, вѣроятно, приверженностью не столько къ протестантскимъ „воззрѣніямъ“, сколько къ „покаламъ“, Петръ головой выдавалъ себя духовенству. Озлобленное

секуляризаціей, оно фанатично подхватывало императорскія антирелигіозныя выходки и сдѣлало со своей стороны все, чтобы возбудить отрицательное отношеніе къ этому отуманенному виномъ и властью императору. Агитація противъ Петра возбуждалась чернымъ духовенствомъ и имѣла своимъ источникомъ, конечно, главнымъ образомъ, громадный матеріальный ущербъ, причиненный этому сословію лишеніемъ его земли и сервовъ. Бывшіе духовные феодалы въ соціальномъ смыслѣ превратились въ правительственныхъ содержановъ. Немудрено, что знаменитый указъ Петра III о секуляризаціи произвелъ на духовенство потрясающее впечатлѣніе. „Духовенство,—писалъ Фридриху II прусскій посланникъ Гольцъ,—въ отчаяніи отъ указа, которымъ оно лишается всѣхъ своихъ владѣній и будетъ получать деньги на свое содержаніе“. Митрополитъ ростовскій Арсеній, опираясь на священное писаніе, протестовалъ противъ отнятія вотчинъ и людей въ особомъ прошеніи на имя государя, приведшемъ его „въ азартъ“, по словамъ современника; протестовало духовенство и коллективно въ посланіи, въ которомъ, такъ пишетъ Гольцъ, „жаловалось на насиліе, причиненное ему этимъ указомъ, на странный относительно его образъ дѣйствій, котораго нельзя было бы ожидать даже отъ басурманскаго правительства“. Вообще, по мнѣнію этого наблюдателя, данное архіерейское посланіе скорѣе всего походило на „декларацію противъ государя“, чѣмъ на прошеніе. Среди столичнаго населенія извѣстный ему протестъ духовенства, разумѣется, не могъ пройти безслѣдно. Духовный протестъ вызвалъ толки и обсужденіе въ связи съ осужденіемъ императора. Своимъ поведеніемъ, сдѣлавшимъ Петра III весьма непопулярнымъ въ Петербургѣ, этотъ человѣкъ, самъ этого не подозрѣвая, давалъ благодарный матеріалъ разгнѣванному духовенству для аргументаціи заключенія, дѣлавшагося съ каждымъ днемъ его царство-

ванія все болѣе и болѣе популярнымъ, заключенія о совершенной непригодности Петра III, какъ русскаго государя. И духовенство, со своей стороны, сдѣлало не мало для увеличенія популярности этого заключенія.

Отношеніе гвардіи къ Петру III.

Но агитація въ смыслѣ этого же заключенія велась и съ другой стороны, со стороны людей, имѣвшихъ такъ же мало общаго съ религіей, да и съ жизнью на основахъ морали, какъ и самъ непочтительный къ православію и непутевый императоръ, именно со стороны нѣкоторыхъ офицеровъ гвардіи, съ самаго основанія своего имѣвшей мѣстоп ебываніе свое въ Петербургѣ и бывшей спеціально петербургскимъ привилегированнымъ войскомъ. Это вводитъ насъ въ с всѣмъ иной міръ, гдѣ уже по своему, „гвардейскому“, опыту знали, что „слово“ въ рѣшительный моментъ должно быть поддержано оружіемъ.

Съ самой кончины Петра Великаго гвардія привыкла распоряжаться русскимъ тропомъ. Это значеніе ея понималъ Петръ III и называлъ гвардейцевъ „янычарами“ еще когда былъ великимъ княземъ. „Гвардейцы,—говорилъ онъ, —только блокируютъ резиденцію, неспособны ни къ какому труду, ни къ военнымъ экзерциціямъ, а всегда опасны для правительства“. Это была правда. Елизавета, посаженная на престолъ гвардейскими солдатами, не была, разумѣется, склонна къ строгой требовательности по отношенію къ означенному разряду войскъ. Поэтому дисциплина въ гвардіи почти совершенно пала, гвардейское офицерство отличалось необыкновенной распущенностью. Наибольшими привилегіями и поблажками пользовалась та гренадерская рота, съ которой Елизавета арестовала брауншвейгскую фамилію, рота, получившая названіе лейбъ-компаніи.

Поклонникъ Фридриха II и его военной системы по устройству и управленію войскомъ, Петръ III не выносилъ привилегированнаго и распущеннаго состоянія рус-

ской гвардіи. Лейбъ-компанія ему была наиболѣе ненавистна, и онъ ее совершенно упразднилъ, а остальные гвардейскіе полки переодѣлъ въ короткіе прусскіе мундиры и подчинилъ строжайшей дисциплинѣ. Привольная, праздная жизнь гвардіи кончилась. Она была привлечена къ постояннымъ военнымъ экзерциціямъ прусскаго образца, къ упражненію въ ружейныхъ пріемахъ и шагистикѣ, что Петръ раньше практиковалъ со своими лакеями и отъ чего теперь не спасалъ никакой чинъ,—и маститымъ фельдмаршаламъ пришлось не только прыгать на одной ножкѣ послѣ обѣдовъ съ царемъ, но и брать у голштинскихъ инструкторовъ уроки правильнаго вытягиванья носка, „прусской экзерциціи“, „поднимать и вытягивать ножки“ и потомъ „хорошохонько топтать и мѣсить грязь“ вмѣстѣ съ солдатами на царскихъ вахтъ-парадахъ. Это было началомъ конца для гвардіи. Всѣ это понимали и высказывали опасеніе, что скоро гвардія будетъ совершенно раскассована. Въ гвардіи начался ропотъ, а въ частности въ офицерскихъ, наиболѣе кутильныхъ кружкахъ, желавшихъ жить широко и весело, но не имѣвшихъ на то достаточныхъ средствъ, оживились надежды и мечты повторить предпріятіе только-что распущенной лейбъ-компаніи. Въ указанныхъ условіяхъ, конечно, таилось главнѣйшее побужденіе къ заговору противъ Петра III въ пользу его супруги Екатерины II; ей грозилъ, по меньшей мѣрѣ, монастырь, и она сумѣла сдѣлаться популярной именно въ гвардейской средѣ, преимущественно по своимъ личнымъ отношеніямъ къ одному изъ кутильныхъ офицеровъ Григорію Орлову. Отъ иностранныхъ наблюдателей не укрылся невысокій матеріальный и моральный уровень тѣхъ лицъ, изъ которыхъ составилось ядро заговорщиковъ. „Большая часть заговорщиковъ,—писалъ одинъ изъ иностранныхъ резидентовъ,—состоитъ изъ голяковъ, которые были лейтенантами или капитанами, а, главнымъ образомъ, изъ негодяевъ, обитающихъ во всякихъ город-

скихъ притонахъ". [1]) Кромѣ „обрядовъ неудобоносимыхъ", возложенныхъ на гвардію, кромѣ боязни, что она будетъ совершенно уничтожена, раздраженіе въ ней противъ Петра III питалось и другими обстоятельствами. Заключеніе мира съ Пруссіей, по которому послѣдней отдавались всѣ завоеванія, сдѣланныя русскими войсками въ этой странѣ, и сводились къ нулю всѣ выгоды отъ русскихъ побѣдъ, не могло не вызвать презрѣнія къ государю, такъ мало оцѣнившему пролитую русскую кровь,— особенно въ средѣ, въ которой были люди (напр. Григорій Орловъ), участвовавшіе въ Семилѣтней войнѣ. Раздраженіе на Петра III гвардіи было тѣмъ сильнѣе, что ей было извѣстно беззавѣтное преклоненіе императора предъ прусскимъ королемъ. Петръ до того хвастался производствомъ его въ генералъ-маіоры прусской арміи, что вызвалъ насмѣшливое замѣчаніе гр. Кирилла Разумовскаго: „Ваше величество съ лихвою можете отплатить ему—произведите его въ русскіе фельдмаршалы". Разумѣется, и о похвальбѣ царя, и объ остротѣ Разумовскаго, какъ и о другихъ придворныхъ пикантныхъ эпизодахъ, дѣлалось извѣстнымъ въ городѣ и среди гвардіи, при чемъ, обыкновенно, циркулировавшая въ Петербургѣ сплетня излагала „событія" въ преувеличенномъ и утрированномъ видѣ. По поводу мира съ Пруссіей во дворцѣ господствовало разливанное море. „Всѣ видѣли", писалъ уполномоченный Франціи, „русскаго монарха утопающимъ въ винѣ, не могущаго ни держаться, ни произнести слова, бормочащаго министру Пруссіи пьянымъ тономъ: „Выпьемъ за здоровье нашего короля. Онъ сдѣлалъ милость поручить мнѣ полкъ для его службы; я надѣюсь, что онъ мнѣ не дастъ отставки. Вы можете его увѣрить, что если онъ прикажетъ, я пойду воевать въ адъ со всею моею властью". Подобныя заявленія, слы-

[1]) Русскій дворъ, 138.

шанныя многими и потому извѣстныя и въ казармахъ, могли только подливать масло въ огонь ненависти, разгоравшійся въ гвардейскихъ сердцахъ къ столь непатріотическому государю... А тутъ сейчасъ же, по заключеніи мира съ Пруссіей,—новая затѣя Петра III объявить войну Даніи и русскими силами вынудить у послѣдней дать ему удовлетвореніе, какъ оскорбленному Даніей голштинскому герцогу. Когда въ войскахъ, сосредоточенныхъ въ Петербургѣ, поняли, что похода въ Данію не избѣжать, то негодованіе среди войскъ, особенно среди гвардіи, усилилось до крайнихъ предѣловъ. Ропотъ противъ императора былъ почти открытый. „Ходятъ люди“, писали тогда, „а особливо гвардейцы, толпами, и вьявь почти ругаютъ и бранятъ государя“. Это настроеніе гвардейскихъ войскъ передавалось и въ полевыя войска, тоже, конечно, недовольныя новой войной, а также вообще жителямъ столицы. Въ этомъ именно смыслѣ, мнѣ кажется, надо понимать свидѣтельство гр. М. Л. Воронцова, что „императоръ отъ народа ненавидимъ“. Подъ народомъ здѣсь разумѣются несомнѣнно петербуржцы, особенно петербургскія войска; ибо о настроеніи петербуржцевъ Воронцовъ только и могъ знать болѣе или менѣе опредѣленно, — а отнюдь не народъ, тѣмъ менѣе народы всей обширной Россіи. О мнѣніи страны въ Петербургѣ не знали, да о немъ и не заботились, ибо понимали, что вопросъ о судьбѣ русскаго престола, не только вакантнаго, но и занятаго, рѣшаетъ Петербургъ военными руками, руками, главнымъ образомъ, гвардіи.

Отрицательнаго отношенія къ Петру III Петербурга и прежде всего гвардіи было достаточно, чтобы кучкѣ заговорщиковъ можно было отважиться на рѣшительный шагъ. Эта кучка гвардейскихъ офицеровъ группировалась около гр. Орлова съ братьями. Тайный фаворитъ Екатерины гр. Орловъ отличался, какъ и другіе Орловы, большой физической силой, дерзкой отвагой, подкрѣпля-

вшейся тѣмъ, что ему, запутавшемуся въ долгахъ, совсѣмъ прокутившемуся, почти нечего было терять, кромѣ безшабашной трактирной жизни; но онъ былъ, что называется, нехитеръ и даже прямо имѣлъ репутацію глупца. Всѣмъ дѣломъ руководилъ второй изъ братьевъ-гвардейцевъ—Алексѣй, совсѣмъ русскій богатырь, но обладавшій также не меньшей, чѣмъ его физическая мощь, и практической смѣткой и вообще слывшій большимъ плутомъ. Братья и ихъ товарищи хорошо использовали неблагопріятное для Петра III настроеніе въ гвардіи, вызванное анти-гвардейскою политикою государя. Они разсказами о ненавистномъ отношеніи къ гвардіи Петра III и о милостивомъ отношеніи къ ней его супруги Екатерины, объ ея горькой долѣ, о грозящей императрицѣ опасности отъ мужа, объ его недостойномъ поведеніи и склонности къ врагу Россіи Фридриху сумѣли разжечь негодованіе гвардіи на Петра Ѳедоровича и возбудить симпатіи къ Екатеринѣ; а чтобы не было и сомнѣнія въ добротѣ послѣдней къ гвардіи, заговорщики подогрѣвали настроеніе гвардейцевъ угощеніями отъ имени Екатерины, все время сносившейся съ главарями заговора, находившейся въ курсѣ происходящаго въ гвардейскихъ казармахъ и даже сумѣвшей тайно занять у англійскаго купца Фельтена 100 тыс. руб. на расходы по агитаціи. Такъ распропагандировалось главарями заговора привилегированное петербургское войско; духовенство докончило остальное,—внушило, какъ самой претенденткѣ, такъ и вельможамъ, знавшимъ о заговорѣ, что оно противъ Петра III, что оно поддержитъ Екатерину въ случаѣ, если она воцарится.

Сравнительное значеніе въ заговорѣ лицъ и разныхъ общественныхъ элементовъ.

Такое отношеніе высшаго духовенства—съ одной стороны вообще распространяло недовольство въ столицѣ, а гвардію дѣлало все смѣлѣе и смѣлѣе, а, съ другой—укрѣпляло вельможъ Панина, Разумовскаго и др. въ ихъ готовности измѣнить Петру III, какъ только представится къ тому

возможность. Возможность же эту могла доставить имъ гвардія приведеніемъ въ исполненіе задуманнаго сравнительно небольшимъ кружкомъ принадлежавшихъ къ ней лицъ дѣла. Это понимала и Екатерина, что все дѣло въ оружіи, находящемся въ гвардейскихъ рукахъ: она въ эту сторону только и смотрѣла, мало интересуясь планами, зарождавшимися въ головѣ Панина, который, будучи воспитателемъ Павла Петровича, соглашался на переворотъ въ пользу сына Петра III и на объявленіе Екатерины только регентшей; у Панина созрѣвалъ также планъ и касательно болѣе цѣлесообразнаго устройства верховнаго правительства, — и обо всемъ этомъ онъ велъ бесѣды съ Екатериной. Послѣдняя внимательно выслушивала образованнаго вельможу, проведшаго много лѣтъ въ Швеціи и хорошо видѣвшаго, въ чемъ заключается русское государственное неустройство; но не дала этому вельможѣ никакихъ опредѣленныхъ обязательствъ; ничего, кромѣ внимательной слушательницы, не нашелъ Панинъ въ Екатеринѣ и тогда, когда высказывался о днѣ переворота и объ условіяхъ, при какихъ онъ долженъ быть совершенъ. Екатерина слушала и знала, что къ исполненію заговора будетъ приступлено тогда, когда будетъ нужно, когда необходимость дѣйствовать рѣшительно будетъ выяснена обстоятельствами и сознана настоящими руководителями и исполнителями задуманнаго „дѣйства“, — извѣстными ей гвардейскими офицерами. Выяснившаяся неизбѣжность датскаго похода и близкаго раскрытія заговора послужили послѣднимъ толчкомъ къ произведенію дворцоваго переворота. Ни высшіе іерархи петербургскаго духовенства, ни вельможи, ни даже сама суетливая княгиня Дашкова не были увѣдомлены о началѣ „дѣйства“ и присоединились къ нему, когда Екатерина уже была провозглашена гвардейскими полками самодержавной императрицей.

Выводы. Изъ изложеннаго, мнѣ кажется, сами собой вытекаютъ слѣдующіе общіе выводы: переворотъ, возведшій на пре-

столъ Екатерину, не былъ дѣломъ всего народа, дѣломъ „всего отечества“, дѣйствовавшаго якобы чрезъ своихъ „избранниковъ“, какъ было сказано въ манифестѣ, даже не было дѣломъ дворянства, какъ особаго сословія; этотъ заговоръ былъ дѣломъ заговора озлобленныхъ на Петра III гвардейцевъ, не желавшихъ къ тому же идти въ непопулярный, ненужный походъ... Не будь этой стороны въ дѣятельности Петра III: не приструнь онъ гвардіи и не задумай войны съ Даніей, его невозможно было бы столкнуть съ престола Екатеринѣ даже при помощи чернаго духовенства, ополчившагося на этого монарха; но, при враждебномъ къ Петру отношеніи вооруженной силы, агитація противъ него духовенства сыграла серьезную роль въ организаціи петербургскаго общественнаго мнѣнія, въ дѣлѣ развитія фрондирующаго по адресу императора настроенія въ петербургскомъ обществѣ; такое настроеніе окрыляло „главарей“ заговора и тѣмъ содѣйствовало открытому ихъ выступленію.

V.

Поведеніе участниковъ дворцоваго переворота по его совершеніи.

Исполнители заговора—офицеры и солдаты—по совершеніи переворота чувствовали себя благодѣтелями Екатерины. Самъ Григорій Орловъ задавалъ тонъ предъ императрицей, во дворцѣ велъ себя хозяиномъ, а за интимными обѣдами въ покояхъ императрицы, въ присутствіи свидѣтелей, говорилъ ей непріятныя вещи. Вообще въ поведеніи Григорія Орлова по отношенію къ своей высокой возлюбленной сильно сказывалось его прошлое трактирнаго героя и молодца-сердцеѣда, избалованнаго успѣхами на обоихъ поприщахъ. Гвардейскіе солдаты, на радости пьянствуя и толкаясь по улицамъ, тоже вели себя господами положенія. Особенно неистовствовалъ Измайловскій полкъ, въ который Екатерина явилась для провозглашенія своего

прежде всего; измайловцы считали себя главными виновниками „дѣйства“, и ихъ пьяная преданность Екатеринѣ доходила до полной наглости. Усталая и не спавшая нѣсколько ночей императрица только что легла и уснула, какъ вдругъ въ ея спальню входитъ офицеръ Пассекъ, будитъ ее и говоритъ, что измайловцы требуютъ, чтобы имъ показали „матушку императрицу“, ибо они узнали, что идутъ пруссаки украсть ее... Никто солдатъ не могъ успокоить, даже популярные среди нихъ Орловы. „И вотъ,— разсказывала Екатерина впослѣдствіи,—я опять на ногахъ. Чтобы не встревожить батальонъ, занимавшій караулъ во дворцѣ, я отправилась къ нему и объяснила, почему я выхожу въ такой поздній часъ. Я сѣла въ карету съ двумя дежурными офицерами и отправилась къ измайловцамъ; я сказала имъ, что совершенно здорова, чтобъ они шли спать и оставили меня въ покоѣ, что я не спала 3 ночи и только что уснула“. Солдаты объяснили, что они изъ ревностной службы къ „матушкѣ“ такъ поступили. „Ну ладно, спасибо,— сказала Екатерина,—но ступайте с. ать“. Солдаты послушались, и инцидентъ былъ исчерпанъ; онъ лишній разъ показываетъ, кому Екатерина была обязана тропомъ, и какъ внимательно приходилось ей обращаться со своими вооруженными благодѣтелями.

Сверженіемъ Петра III и отреченіемъ его дѣло еще не было кончено. Петръ III живой былъ бы вѣчной угрозой заговорщикамъ и прежде всего Екатеринѣ... Надо было кончить дѣло, и оно было кончено тѣми же гвардейскими руками, которыми было начато. Переворотъ былъ совершенъ 28 іюня, 29-го Петръ III подписалъ отреченіе отъ престола, а 6-го іюля, въ 6 час. вечера Екатерина II изъ Ропши, гдѣ временно былъ помѣщенъ сверженный императоръ, получила отъ Алексѣя Орлова слѣдующее письмо, написанное имъ въ пьяномъ видѣ на листѣ сѣрой бумаги: „Матушка милосердная Государыня. Какъ мнѣ изъяснить, что случилось: не повѣришь вѣрному своему рабу; но какъ

передъ Богомъ скажу истину. Матушка. Готовъ идти на смерть; но самъ не знаю, какъ эта бѣда случилась. Погибли мы, когда ты не помилуешь. Матушка — его нѣтъ на свѣтѣ. Но никто сего не думалъ, и какъ намъ задумать поднять руки на государя. Но, государыня, свершилась бѣда. Онъ заспорилъ за столомъ съ князь Ѳедоромъ (Барятинскимъ); не успѣли мы разнять, а его уже и не стало. Сами не помнимъ, что дѣлали; но всѣ до единаго виноваты, достойны казни. Помилуй меня хоть для брата. Повинную тебѣ принесъ и розыскивать нечего. Прости или прикажи скорѣе окончить. Свѣтъ не милъ: прогнѣвили тебя и погубили души на вѣкъ“ [1]). Это дѣло было кончено. Императоръ-нѣмецъ былъ устраненъ радикально, и на русскомъ престолѣ окончательно укрѣплялась... нѣмка. Разумѣется, Екатерина простила Алексѣя Орлова, князя Ѳедора и др.: она не могла поступить иначе, а это письмо заперла въ шкатулку, гдѣ оно и найдено было послѣ ея смерти.

VI.

Нѣкоторыя подожительныя черты въ личности Петра III.

Когда при жизни Петра III Фридрихъ II совѣтовалъ ему быть осторожнымъ и бдительнымъ, русскій императоръ увѣрялъ прусскаго короля, что безпокоиться положительно нечего, что солдаты называютъ его „отцомъ“ и „говорятъ, что предпочитаютъ правленіе мужчины правленію женщины“. „Я,—писалъ Петръ III,—одинъ пѣшкомъ гуляю по улицамъ Петербурга; если бы кто-нибудь хотѣлъ мнѣ причинить зло, то давно бы могъ исполнить свой замыселъ“. Императоръ ошибся и ошибся жестоко: солдаты, можетъ быть, и не сдѣлали бы ему зла, но онъ просмотрѣлъ отношеніе къ нему офицеровъ, сумѣвшихъ,

[1]) Арх. кн. Воронцова, т. XXI, 430. Бильбасовъ, II 115—117.

пользуясь ошибками Петра, увлечь за собой и солдатъ, и просмотрѣлъ, конечно, потому, что обычное его состояніе сильно выпивающаго человѣка не располагало его ни къ бдительности, ни къ наблюдательности [1]). Но въ минуты просвѣтлѣнія отъ пьянаго угара и связаннаго съ нимъ неприличнаго озорства Петръ Ѳедоровичъ обнаруживалъ пониманіе и своей солдатской грубости, но въ то же время и „честности“, и практическаго хитроумія своей супруги изъ тѣхъ „умницъ, которыя высасываютъ соки изъ апельсина и потомъ бросаютъ корку“. Этими замѣчаніями, надо согласиться, онъ сопоставлялъ оба характера съ замѣчательной для него мѣткостью, повидимому, серьезно считая Екатерину для себя опасной; недаромъ онъ хотѣлъ совсѣмъ ее удалить отъ себя, но, при своемъ безпорядочномъ „поведеніи“, не успѣлъ этого сдѣлать, а, уѣхавъ изъ Петербурга для увеселеній, тѣмъ самымъ выдалъ себя ей и другимъ заговорщикамъ головой. Однако, принимая во вниманіе нетрезвую жизнь этого государя, можно удивляться не тому, что онъ кончилъ ее столь печально, а тому, что онъ въ столь мимолетное царствованіе успѣлъ оставить замѣтный и далеко не отрицательный слѣдъ въ законодательствѣ. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ Петръ III какъ бы подчеркиваетъ, что поклоненіе его Фридриху II не вело только къ подражанію прусской военной муштрѣ, но и вызвало нѣкоторое стремленіе раціонально-сознательно отнестись и къ внутреннему управленію государствомъ. Болѣе чѣмъ почтительное отношеніе Петра Ѳедоровича къ личности великаго прусскаго короля, обыкновенно подвергаемое только осмѣянію, можетъ быть разсмотрѣно и какъ одно изъ доказательствъ его умѣнія оцѣнивать по достоинству замѣчательные таланты и умъ въ другихъ.

---

[1]) Потому-то и получилось впечатлѣніе, что Петръ III—самъ главный виновникъ своей гибели, что съ нимъ поступили, какъ „съ ребенкомъ, котораго отсылаютъ спать“.

Во всякомъ случаѣ, добрыя намѣренія Петра III, „не совершившаго“, по свидѣтельству одного иностранца, „ни одного рѣзкаго и жестокаго поступка“, отрицать едва ли можно. На порывы добраго чувства, напр., указываетъ объявленная Петромъ III амнистія всѣмъ осужденнымъ въ прежнія царствованія по дѣламъ тогдашней придворной политики, возвращеніе изъ ссылки Лестока, Миниха, Бирона и др., и то еще обстоятельство, что новый императоръ очень умѣренно и даже великодушно отнесся къ тѣмъ, къ которымъ онъ, будучи наслѣдникомъ, питалъ нерасположеніе. Конечно, Петръ III не хваталъ звѣздъ съ неба, не подходилъ къ Россіи, служилъ не столько ей, сколько Голштиніи и Пруссіи, не понималъ ни внѣшнихъ государственныхъ интересовъ, ни тѣмъ менѣе — быта и нравовъ Россіи; но этотъ нѣмецкій патріотизмъ и непониманіе Россіи объясняются уже тѣмъ, что по волѣ судьбы и по условіямъ своего дѣтства внукъ Петра I превратился въ нѣмца, на бѣду свою очень дурно воспитаннаго и затемнявшаго свой разсудокъ пьянствомъ.

VII.

Оцѣнка Петра III Екатериной.

Екатерина II въ обоихъ своихъ манифестахъ, краткомъ (28 іюня) и „обстоятельномъ“ (6-го іюля 1762 г.) о вступленіи на престолъ, не знала, какъ очернить Петра III въ глазахъ народа. Свергнутый императоръ, это — человѣкъ, отличавшійся „малостью духа“, самовластецъ, „не обузданный добрыми и человѣколюбивыми качествами“, помышлявшій не о благѣ ввѣреннаго ему государства, а о разореніи православныхъ церквей, пренебрегшій всѣми законами въ государствѣ, презрѣвшій всѣ дѣла и судебныя мѣста въ государствѣ и не желавшій о нихъ слышать, расточившій государственные доходы „не полезными, но вредными государству издержками“, возненавидѣвшій полки гвардіи и пр. Не забыто было и обвиненіе Петра III въ

томъ, что онъ вознамѣрился лишить сына своего престола, „испровергнуть право, ему преданное отъ тетки“, или „отечество въ чужія руки отдать“, а также и другое обвиненіе, что Петръ III хотѣлъ ее, Екатерину, „истребить и живота лишить“.

Послѣдствіемъ правленія такого государя было то, что „все отечество къ мятежу неминуемому уже противу него склонялося“. „Неудовольствіе народное“ было такъ велико, что „ни единаго въ народѣ уже не оставалося, кто бы въ голосъ съ отвагою и безъ трепета не злословилъ его и кто бы не готовъ былъ на пролитіе крови его. Но заповѣдь Божія, обитающая въ сердцахъ вѣрноподданныхъ и требующая почитанія власти предержащей, не допускала ихъ до такого преступленія“, и потому все устроилось иначе: къ ней, Екатеринѣ, явились, избранные отъ народа и упросили ее „воцариться такимъ образомъ“, какъ она „ни намѣренья, ни желанія не имѣла“.

И вотъ воцарилась она „безъ всякаго кровопролитія, но Богъ одинъ и любезное наше отечество чрезъ избранныхъ своихъ намъ помогали“.

Такъ оцѣнивала дѣятельность Петра III Екатерина II въ манифестѣ, объявленномъ въ тотъ день, который былъ послѣднимъ въ жизни ея мужа, и такъ она объясняла народу переворотъ, произведенный якобы по желанію „всего отечества“.

Отношеніе духовенства къ воцаренію Екатерины.

Духовенство, стараясь привлечь симпатіи общества къ Екатеринѣ и въ Москвѣ, не знало, какъ и восхвалить императрицу въ своихъ проповѣдяхъ во время коронаціи: оно называло ее „спасительницею отечества, избранницей Господа“, дворцовую гвардейскую революцію 28-го іюня аттестовало, какъ „чудо Божіе“, достойное славословія на вѣчныя времена. „Будутъ чудо сіе,—говорилъ новгородскій митрополитъ Дмитрій Сѣченовъ,—восклицать проповѣдники,

напишутъ въ книгахъ историки, прочтутъ съ охотою ученые, послушаютъ въ сладость не-книжные, будутъ и послѣдніе роды повѣствовать чадамъ своимъ и прославлять величія Божія". Такъ фальсифицировалось событіе, бывшее въ сущности ничѣмъ инымъ, какъ дерзкой узурпаціей власти законнаго государя.

О правахъ Екатерины на престолъ.

Въ томъ, что Екатерина выступила съ домогательствомъ русскаго престола, не было даже тѣни права: ни династическаго, ни вытекающаго изъ дѣйствовавшаго тогда закона Петра I о престолонаслѣдіи. Бывшая нѣмецкая незначительная принцесса и Россія, что между ними было общаго?.. Петръ III, голштинскій герцогъ, тоже въ сущности нѣмецъ, но онъ хотя и по женской линіи— внукъ Петра Великаго, а главное онъ былъ объявленъ наслѣдникомъ царствующей государыней на основаніи означеннаго закона, почему и былъ въ точномъ смыслѣ законнымъ государемъ. Если у Екатерины не было правъ на русскій престолъ, то для заинтересованныхъ группъ и не было другого выхода, какъ ограничиться указаніемъ такихъ правъ, которыя не требуютъ ни доказательствъ, ни провѣрки, но которыя красиво звучатъ въ манифестахъ и торжественныхъ рѣчахъ: это права на царствованіе, дарованныя волей народа и Бога.

Идеологія и дѣйствительность.

Такая устанавливалась идеологія для того положенія, которое создалось на первыхъ порахъ послѣ революціи 28 іюня. Это положеніе имѣло подъ собой достаточно прочный, реальный фундаментъ и потому было признано населеніемъ. Правда, были случаи нѣкотораго протеста: такъ нѣкто Елыгинъ отказался отъ присяги Екатеринѣ, „сказалъ попу Петру: „Есть ли гдѣ на свѣтѣ, чтобы жена у мужа волю взяла. Эхъ, не съ кѣмъ мнѣ стать, а то я всѣмъ бы градомъ не пошелъ къ присягѣ!" Поповскій сынъ Василій возразилъ: „Какъ это ты, Василій Ивановъ, къ присягѣ не пойдешь? Это дѣло великое". Елыгинъ: „А что мнѣ идти? Развѣ гроши давать?

Объяви указъ, въ какую силу присягать и бывшій государь живъ или нѣтъ"? (Происходило 8 іюля 1762 г.) [1]. Но въ общемъ народъ не вышелъ изъ границъ повиновенія, хотя и не проявилъ особаго восторга по поводу происшедшей перемѣны. По показанію иностранца, несходному съ показаніемъ Екатерины, въ Москвѣ, во время коронаціи, народъ не выражалъ при видѣ императрицы ни восторга, ни радости и даже избѣгалъ ея. Словомъ, народъ, какъ и при прежнихъ дворцовыхъ переворотахъ, безмолствовалъ. Вотъ положеніе. Ему-то и стремились придать хорошими словами подобіе права тѣ общественные слои, которые ждали себѣ всякихъ благъ отъ Екатерины, воцарившейся путемъ вооруженнаго насилія.

---

[1]) Рус. Архивъ, 1912 III, 327 и слѣд.

ГЛАВА ВТОРАЯ.
Характеристика Екатерины II.

I.

Познакомимся поближе съ главной героиней описаннаго дворцоваго переворота.

Въ 1729 г. 21 апрѣля, въ половинѣ третьяго ночи, въ г. Штеттинѣ родилась будущая императрица Россійская Екатерина II, названная при крещеніи Софіей-Августой-Фредерикой. Отецъ ея, ангальтъ-цербстскій князь, былъ тогда генералъ-маіоромъ прусской службы и стоялъ съ полкомъ въ означенномъ городѣ. Конечно, дочь какого-то нѣмецкаго князька никогда не могла бы встать на ту стезю, которая привела ее къ русскому престолу, если бы не происхожденіе ея матери Іоганны-Елизаветы изъ другого княжескаго дома,—голштинъ-готторпскаго, уже связаннаго и брачнымъ союзомъ, и воспоминаніями съ женскимъ потомствомъ Петра I: его старшая дочь была выдана за голштинскаго герцога, а младшая, если бы женихъ не умеръ, сдѣлалась бы супругой одного изъ голштинскихъ князей, какъ разъ — брата матери будущей императрицы Екатерины II. Родство ангальтъ-цербстской принцессы по матери съ голштинъ-готторпскимъ домомъ, несомнѣнно, и склонило Елизавету Петровну остановиться именно на этой кандидаткѣ въ невѣсты своему родному

[1]) Въ сокращенномъ видѣ эта характеристика бѣла уже напечатана въ одномъ изъ энциклопедическихъ словарей.

племяннику-сиротѣ, нареченному ею наслѣдникомъ русскаго престола.

Дѣтство будущая Екатерина II провела тамъ же, гдѣ родилась, въ г. Штеттинѣ, гдѣ ея отецъ получилъ должности коменданта крѣпости и губернатора города и вмѣстѣ съ ними казенную квартиру въ старомъ штеттинскомъ замкѣ. Здѣсь, въ трехъ сводчатыхъ комнатахъ, рядомъ съ колокольней, въ обществѣ своей няни и гувернантки, маленькая принцесса Софія, которую уменьшительно называли просто Фике, переживала свои дѣтскія впечатлѣнія. Образы занятаго службой отца и веселой, неглупой, но суетной и любившей развлеченія матери какъ-то стушевывались въ этихъ впечатлѣніяхъ ранняго дѣтства, бывшихъ, кажется, совершенно свободными отъ обычно присущаго таковымъ впечатлѣніямъ налета нѣжности и чувствительности. Родители мало занимались своей крѣпкой здоровьемъ старшей дочерью, и потому дѣвочка росла на сравнительной свободѣ, не спутанная предразсудками и привычками, хотя и незначительнаго, но все же владѣтельнаго княжескаго дома. Маленькой принцессѣ дозволялось играть въ городскомъ саду съ дѣтьми простыхъ горожанъ, а шумливый, безъэтикетный кругъ ея сверстницъ и сверстниковъ, вѣроятно, и былъ ея первой жизненной школой, которая учила Фике самостоятельности и внѣшней простотѣ обращенія, изощряла ея находчивость и предохраняла отъ чувства гордости и высокомѣрія. Отличавшее впослѣдствіи Екатерину умѣніе обращаться съ людьми, несомнѣнно, закладывалось въ ней еще въ эти ранніе годы, когда маленькая Фике впервые прикоснулась къ настоящей жизни, чуждой искусственныхъ придворныхъ условностей. Дѣвочка и отъ природы была надѣлена выдающеюся смѣтливостью, отсутствіе же тепличнаго воспитанія и раннее общеніе съ городскими дѣтьми могли только развить эту черту ея психической личности. И, дѣйствительно, уже въ дѣтствѣ Фике поражала свою гувернантку умѣніемъ по-

своему понимать то, что ей внушалось, не входя, однако, въ конфликтъ съ тѣмъ, кто держался противоположнаго мнѣнія. Столь рано у будущей русской императрицы обнаружился esprit gauche, какъ называла гувернантка маленькой Фике ея умѣніе быть „себѣ на умѣ“, умѣніе, вѣроятно, выработанное ею на той относительной свободѣ, которой она пользовалась въ дѣтствѣ. Гувернатка отрицательно относилась къ этой чертѣ характера своей воспитанницы, а впослѣдствіи супругъ Екатерины съ ожесточеніемъ жаловался вѣнценосной теткѣ именно на хитрость своей жены. Между тѣмъ, въ умѣніи скрывать свои настоящія мысли, столь рано опредѣлившемся, и заключался главнѣйшій талантъ Екатерины, при помощи котораго она въ болѣе зрѣломъ возрастѣ такъ быстро и тонко постигала людей и съ такою виртуозностью могла вертѣть ими; замѣчательная выдержка и способность ловить моментъ вытекали все изъ того же esprit gauche, изъ ума, косящаго въ сторону своей выгоды. Другихъ талантовъ въ юной цербстской принцессѣ не замѣчалось. Это была серьезная и разсудительно-сдержанная, но не поражавшая блескомъ дарованій дѣвушка съ умомъ крѣпкимъ, но далекимъ отъ всего выающагося, яркаго, какъ и отъ всего, что считается заблужденіемъ, „причудливостью или легкомысліемъ“,—по словамъ одной „свидѣтельницы ея учебныхъ занятій и успѣховъ“. Однако эта, на поверхностный взглядъ, „обыкновенная“ дѣвушка таила въ себѣ твердую волю, которая такъ много значитъ въ практической жизни, особенно въ соединеніи съ выдающеюся сообразительностью, умственною трезвостью и солидностью — свойствами, въ высшей степени присущими уму Екатерины, мужскому по своему складу. Для такого склада ума всѣ жизненныя обстоятельства служатъ на пользу,—и Екатерина не была исключеніемъ. Поѣздки изъ Штеттина, въ которыхъ ей приходилось участвовать въ дѣтствѣ, поѣздки со своими родителями то въ Цербстъ, то въ Гамбургъ, то въ Бер-

линъ, обогащая дѣвочку многими новыми впечатлѣніями, несомнѣнно, развивали ея умъ, дѣлали его все болѣе и болѣе наблюдательнымъ. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ десятилѣтняя Фике увидала въ Эйтинѣ своего будущаго неудачливаго мужа, одиннадцатилѣтняго голштинскаго принца Петра-Карла-Ульриха, и успѣла при этомъ услыхать, „какъ собравшіеся родственники говорили между собою, что молодой герцогъ склоненъ къ пьянству и что приближенные не давали ему напиваться за столомъ“. Услышала она и о другихъ свойствахъ этого мальчика, въ которомъ тогда, конечно, никто не предполагалъ ея суженаго; вѣроятно, подъ вліяніемъ неосторожной болтовни взрослыхъ, Фике внимательно всмотрѣлась въ оцѣниваемаго мальчика и замѣтила у него „блѣдный цвѣтъ“ лица, худобу и нѣжность тѣлосложенія. Такая внимательность и наблюдательность показывали развитіе не по возрасту. Оно быстро подвигалось впередъ и благодаря раннему чтенію. Такъ, когда чрезъ годъ послѣ поѣздки въ Эйтинъ Фике съ матерью гостила у своей бабушки, вдовы любскаго епископа, въ Гамбургѣ,—чтеніе книгъ было главнымъ развлеченіемъ маленькой принцессы въ то время; въ этомъ отношеніи особенно была полезна для Екатерины ея гувернантка, умная француженка, привившая ей вкусъ къ чтенію Корнеля, Расина и Мольера. Мать Фике мало или совсѣмъ не обращала на дочь вниманія, за что и подверглась осужденію со стороны шведскаго графа Гюлленборга, оказавшаго впослѣдствіи большое вліяніе на Екатерину, а тогда въ Гамбургѣ сказавшаго ея матери, что „она напрасно не обращаетъ вниманія“ на свою дочь—ребенка, „развитого не по лѣтамъ“, имѣющаго вдобавокъ „философское расположеніе ума“. Само собой ясно, что чрезъ 4 года Фике совсѣмъ походила на настоящую, въ высшей степени разсудительную, маленькую женщину. Это былъ тотъ моментъ, когда она императрицей Елизаветой была выбрана въ невѣсты своему племяннику. Разсказы, которые юная прин-

цесса слышала о Россіи, холодной варварской странѣ, и въ частности о сказочныхъ капризахъ и превратностяхъ судьбы многихъ лицъ, достигавшихъ тамъ самаго высокаго положенія и потомъ пропадавшихъ въ какой-то безднѣ,—будь то сырой и темный казематъ, монастырь ли, или глухая и далекая ссылка, могли только пугать воображеніе и смущать душу... И отецъ Софіи, повидимому, съ нѣкоторой опаской отпускалъ свою дочь въ эту невѣдомую страну на завлекательную, но рискованную роль супруги наслѣдника русскаго престола. Въ своихъ „милостивыхъ наставленіяхъ“, составленныхъ имъ для своей дочери предъ отправленіемъ ея въ Россію, онъ прямо отмѣчаетъ, что „жить и дѣйствовать въ чужой странѣ, управляемой государемъ, не имѣя близкаго довѣреннаго лица, есть дѣло весьма щекотливое“, поэтому отецъ и совѣтовалъ своей Фике, „чтобы она униженно оказывала ея императорскому величеству почтеніе и готовность къ услугамъ, какъ вслѣдствіе неограниченной ея власти, такъ и ради признанія благодѣяній“. Да и всѣ эти gracieuses instructions съ рекомендаціей искательнаго практицизма и довольно терпимыми и осторожными указаніями касательно религіи, несомнѣнно, имѣли одну цѣль — уберечь дочь отъ всякаго зла, ожидавшаго ее въ новыхъ, невѣдомыхъ и сомнительныхъ условіяхъ, среди чужихъ людей. Дочь искренно уважала отца, сама сознавала трудность предстоящаго ей положенія въ Россіи и потому охранительныя отцовскія наставленія естественно глубоко запали въ ея душу. „Умоляю васъ,—написала она отцу,—быть увѣреннымъ, что ваши увѣщанія и совѣты навѣки останутся запечатлѣнными въ моемъ сердцѣ, равно какъ и сѣмена нашей святой религіи въ моей душѣ“. Это писала дѣвушка, которой еще не исполнилось и 15 лѣтъ. По пріѣздѣ ея въ Россію, самостоятельный и холодно-критическій умъ принцессы далъ ей полную возможность быстро разобраться въ томъ, какіе изъ преподанныхъ совѣтовъ осуществимы, какіе нѣтъ;

но общій духъ наставленій, духъ приспособляемости, какъ нельзя болѣе подходилъ къ ея личнымъ психическимъ навыкамъ, къ складу ея ума, темпераменту и характеру, и этому духу она оставалась вѣрна не только въ періодъ до ея воцаренія, но и въ теченіе всей жизни. Время же существованія ея въ Россіи, — сначала въ качествѣ невѣсты (въ Петербургъ она пріѣхала 3 февраля 1744 г.), потомъ (съ 21 августа 1745 г.) въ качествѣ жены наслѣдника, великой княгини Екатерины Алексѣевны, и, наконецъ, въ качествѣ опальной супруги императора Петра III, — было въ высшей степени тяжелымъ для нея, и положеніе дочери ангальтъ-цербстскаго князя, дѣйствительно, какъ и предполагалъ онъ, не разъ становилось рискованнымъ въ точномъ смыслѣ этого слова. Въ это-то время, во время неустанной борьбы за свою собственную судьбу, окончательно и сформировалась Екатерина, какъ личность; эта жизнь при русскомъ дворѣ до воцаренія для нея была послѣдней жизненной школой, подготовившей ее къ самостоятельному царствованію. И Екатерина въ эту тяжелую для нея пору проявила недюжинныя свойства психической организаціи, справедливо потомъ приписавъ свой жизненный успѣхъ „личнымъ качествамъ, характеру и поведенію“.

II.

По пріѣздѣ въ Россію, Екатерина, согласно съ совѣтами своего отца, прежде всего постаралась понравиться Елизаветѣ Петровнѣ и великому князю. Императрица ее полюбила; впослѣдствіи бывало, что Екатерина при содѣйствіи окружающихъ, навлекала на себя неудержимо гнѣвныя вспышки нервной Елизаветы, но въ общемъ императрица никогда не лишала великую княгиню своей симпатіи и нерѣдко называла ее умной, противопоставляя ее своему племяннику, заслужившему у Елизаветы противо-

положную аттестацію. Екатерина, не пропуская мимо ушей ни одного замѣчанія, ни одного указанія, знала, чѣмъ успокоить вспыльчивую Елизавету: она говорила ей: „виновата, матушка“, и та стихала. Великому князю тоже сначала понравилась его невѣста, но очень не надолго; вскорѣ онъ сдѣлалъ ее повѣренной въ своихъ любовныхъ увлеченіяхъ, а послѣ брака совсѣмъ пересталъ ею интересоваться, какъ женщиной, и чѣмъ дальше, тѣмъ все болѣе и болѣе утверждался во взглядѣ на нее не какъ на жену, даже не какъ на товарища-наперсницу, а какъ на тайную свою недоброжелательницу,—хитраго врага. Разумѣется, такое отношеніе Петра къ своей супругѣ отталкивало ее отъ него, въ то время какъ, по собственному сознанію Екатерины, ему легко было бы привязать къ себѣ жену, стоило только „пожелать быть любимымъ“: „я отъ природы,—поясняетъ Екатерина,—была наклонна и привычна къ исполненію моихъ обязанностей“. Но Петръ Ѳедоровичъ не пожелалъ, и покинутая молодая женщина скоро очутилась предоставленной самой себѣ, своему уму и умѣнью жить съ совершенно чужими людьми, въ самомъ пеклѣ мелкихъ и неразборчиво-грязныхъ интригъ... Неудивительно, что и ей пришлось загрязниться. Если вѣрить самой Екатеринѣ, къ сближенію съ первымъ утѣшителемъ въ ея соломенномъ вдовствѣ ее поощряли съ трона—въ интересахъ продолженія династіи. За первымъ послѣдовалъ второй, и, если вѣрить графу Понятовскому, то самъ супругъ, великій князь, не мѣшалъ ему „оставаться съ великой княгиней, сколько хотѣлъ“; по разсказу Понятовскаго, послѣ ужина Петръ Ѳедоровичъ уходилъ со своей фавориткой Воронцовой къ себѣ, на прощанье говоря своей законной супругѣ и польскому послу: „Мнѣ кажется, дѣти, я вамъ болѣе не нуженъ“. И „дѣти“ оставались одни, сколько хотѣли. Самой Екатеринѣ Петръ Ѳедоровичъ тоже былъ не нуженъ не только въ это время, но и въ иное, когда онъ приходилъ къ ней для сообщенія о

разныхъ своихъ затѣяхъ, послѣ чего всякая, даже самая скучная книга была для Екатерины „пріятнымъ развлеченіемъ“. Склонность къ чтенію, проявившаяся у нея рано, не оставила ее и въ Россіи. Попрежнему сосредоточенная не по возрасту, Екатерина еще до замужества не теряла здѣсь времени даромъ; она то усердно училась русскому языку, то играла на клавикордахъ, то читала, покупая себѣ книги. Дѣло чтенія и продолженія умственной подготовки сложилось очень счастливо. Тотъ самый графъ Гюлленборгъ, который прежде обратилъ вниманіе на дѣвочку Фике, теперь, случайно явившись въ Петербургъ и понявъ, что молодая дѣвушка окружена препятствіями, очень трудными для нея, посовѣтовалъ ей для преодолѣнія ихъ воспитывать душу чтеніемъ лучшихъ книгъ; онъ указалъ ей на жизнеописанія Плутарха, біографію Цицерона, на сочиненіе Монтескье о причинахъ величія и упадка римской республики. Екатерина тогда же послала за этими книгами, и ихъ едва нашли въ Петербургѣ. Такъ какъ этотъ ея руководитель высказался отрицательно о знаніи ея самой себя, ибо философу въ 15 лѣтъ таковое знаніе невозможно, то Екатерина набросала свой портретъ для Гюлленборга, дабы „онъ,—говоритъ самолюбивый юный философъ,—могъ видѣть, знаю ли я себя или нѣтъ“. Потомъ, много лѣтъ спустя (въ 1758 г.) Екатерина нашла у себя эту автохарактеристику подъ заглавіемъ — „Изображеніе философа въ 15 лѣтъ“ и удивилась „глубинѣ и точности“ изображенія. Можно пожалѣть вмѣстѣ съ Екатериной, что обстоятельства заставили автора сжечь его бумаги, въ числѣ которыхъ погибла и столь значительная для выясненія духовнаго развитія Екатерины „тетрадь“. Руководитель не только прочелъ ее, но и прибавилъ къ изложенію Екатерины „двѣнадцать своихъ размышленій“ о ней, въ которыхъ, по ея позднѣйшему свидѣтельству, „старался укрѣпить“ въ ней „возвышенность и твердость души, равно и другія качества ума и сердца“. Какъ

раньше запали въ душу Екатерины отцовскія наставленія, такъ теперь, если еще не больше, повліяли на нее эти „размышленія“ ея руководителя; она сама свидѣтельствуетъ о значительномъ вліяніи ихъ на психическій складъ ея личности. „Много разъ,—записала она впослѣдствіи,—я читала и перечитывала эти размышленія и старалась проникнуться ими“. Она даже дала обѣтъ искренно слѣдовать имъ; а это очень много значило у Екатерины: „какъ скоро я давала себѣ въ чемъ-нибудь обѣтъ,—говоритъ она въ своихъ запискахъ,—то я не помню, чтобъ когда-нибудь не исполнила его“. Таковъ былъ этотъ характеръ. Какъ въ трудныя, такъ и въ тоскливыя и скучныя минуты обладательница этого характера не терялась. Въ первый же годъ замужества, сидя нерѣдко „одна-одинешенька“ въ своей комнатѣ, она занималась чтеніемъ. По ея собственному сознанію, она читала теперь „отъ скуки“. Это были книги, привезенныя ею съ собой; первая, которую она прочла въ замужествѣ, былъ романъ: „Tiran le blanc“, и далѣе, въ теченіе цѣлаго года, новобрачная развлекалась романами. Наиболѣе популярные тогда романы изобиловали, хотя и наивными, „буколическими“, но весьма неназидательными эпизодами, къ тому же и иллюстрированными не менѣе нескромно; особенно ярко выдѣлялся въ этомъ отношеніи усердно читавшійся не только дамами, но и молоденькими дѣвицами, пастушескій романъ: „Les amours pastorales de Daphnis et Chloé“, гдѣ циническое описаніе урока любви, даннаго одной изъ героинь юному герою романа, обстоятельно было доведено до своего натуральнаго конца. Такого рода романы, будучи сами отраженіемъ легкости нравовъ въ высшихъ слояхъ общества, содѣйствовали и поддержанію этой легкости, вызывая соотвѣтствующее амурное настроеніе. Но романы, безпрестанно читаемые въ теченіе цѣлаго года, естественно стали надоѣдать Екатеринѣ. Пытливый, трезвый умъ ея инстинктивно жаждалъ болѣе здоровой пищи. Случайно Екатеринѣ по-

пались письма госпожи Севинье, потомъ сочиненія Вольтера, послѣ чего Екатерина, какъ она говоритъ въ своихъ запискахъ, „стала разборчивѣе въ чтеніи“. Чтеніе не отличалось систематичностью; скорѣе оно попрежнему было довольно случайно; но зато это было уже серьезное чтеніе: тутъ были и Исторіи—Германіи Барра, Генриха IV — Перифакса, и Записки Брантама, и Платонъ, и Вольтеръ, и Тацитъ; за Вольтеромъ слѣдовали русскія книги, „сколько могла достать“, въ томъ числѣ Бароній въ русскомъ переводѣ, потомъ разсказываетъ Екатерина, „мнѣ попался Духъ законовъ Монтескье, послѣ чего я прочла лѣтописи Тацита“. Едва ли какой другой авторъ произвелъ на Екатерину такое потрясающее впечатлѣніе, какъ Тацитъ; даже Вольтеръ, ученицей коего долго считала себя Екатерина, не сразу овладѣлъ ея вниманіемъ и въ отношеніи силы и глубины произведеннаго впечатлѣнія долженъ уступить мѣсто этому древнему великому знатоку людей и дѣлъ, истинныхъ побужденій, вызывающихъ тѣ или другіе человѣческіе поступки. Возможно, что чрезвычайно сильному и глубокому впечатлѣнію, навѣянному чтеніемъ произведеній Тацита, какъ предполагаетъ сама Екатерина, содѣйствовало тяжелое настроеніе, въ какомъ она тогда находилась; но нѣтъ сомнѣнія, что Тацитъ поразилъ ее и своими реалистическими картинами: онъ внушилъ ей сознанію мысль объ относительности вообще всѣхъ человѣческихъ поступковъ, вызвалъ пессимистическое отношеніе къ людямъ. Въ этомъ и заключался тотъ „переворотъ въ головѣ“ Екатерины, который она называетъ „страннымъ“. „Я начинала,—признается она въ своихъ запискахъ,—смотрѣть на вещи съ болѣе дурной стороны и отыскивать въ вещахъ, представлявшихся моему взору, причинъ болѣе глубокихъ и болѣе зависящихъ отъ различныхъ интересовъ“. Едва ли мы будемъ далеки отъ истины, если скажемъ, что именно Тацитъ далъ обоснованіе тѣмъ практическимъ мыслямъ, которыя были такъ свойственны

головѣ юнаго „философа“, внушивъ ему идею объ относительности морали, сковывающихъ человѣческую волю понятій добра и зла. „Новые философы“, на отрицательное вліяніе коихъ въ этомъ смыслѣ указывалъ кн. Щербатовъ, лишь подкрѣпили и развили то міровоззрѣніе, которое уже четко намѣтилось въ умѣ Екатерины при чтеніи ею сочиненій великаго римскаго историка. Отсюда понятно, почему любимымъ героемъ Екатерины былъ Генрихъ IV, не побоявшійся заплатить за Парижъ католической обѣдней, ставившій политическій расчетъ и чувственныя наслажденія выше религіозныхъ и моральныхъ соображеній. Екатерина настолько была практически умна, что какъ изъ совѣтовъ уважаемыхъ ею въ дѣтствѣ и юности лицъ, такъ и изъ книгъ она вбирала въ себѣ лишь то, что подходило къ холодному разсудочному складу ея ума и что не мѣшало ей наслаждаться жизнью въ мѣру ея физически крѣпкаго и психически удивительно уравновѣшеннаго организма. По пріѣздѣ въ Россію Екатеринѣ все надо было добывать себѣ неустанной борьбой съ препятствіями, съ людьми, все, начиная съ личной жизненной обстановки, даже съ гардероба, состоявшаго въ моментъ пріѣзда всего изъ трехъ - четырехъ платьевъ и одной дюжины рубашекъ. И она повела эту борьбу, въ которой не знаешь, чему болѣе удивляться, ея терпѣнію ли, желѣзной ли настойчивости или хитрости и изворотливости. Рѣшивъ снискать любовь публики, она стремилась къ этому „всѣми средствами“; чтобы снискать благосклонность нужныхъ ей лицъ, она не отступала даже предъ тратами, сверхъ скуднаго бюджета, на подарки, ибо ей сказали, что „въ Россіи любятъ подарки“. Но она принимала во вниманіе не только то, что ей говорили, но и то, что говорили не ей, а о чемъ она узнавала тайкомъ; она еще до брака съ Петромъ Ѳедоровичемъ, во время своей болѣзни, часто притворялась спящей и подслушивала разговоры придворныхъ дамъ, сплетничавшихъ безъ всякаго

стѣсненія, въ увѣренности, что ихъ никто не слышитъ. „Этимъ путемъ я многое узнала“, присовокупляетъ Екатерина въ запискахъ, разсказавъ о своемъ маневрѣ для развѣдокъ. Несомнѣнно, только при освѣдомленности въ дѣлахъ и людяхъ, быстро ею пріобрѣтенной въ Россіи, Екатерина сумѣла избѣжать многихъ подводныхъ камней, встрѣтившихся здѣсь на ея жизненномъ пути.

Большимъ плюсомъ для Екатерины было то обстоятельство, что она умѣла себя вести въ обществѣ: на придворныхъ балахъ и куртагахъ всегда съ привѣтливой улыбкой, какъ бы ни было ей внутренне тяжело, спокойная и изящно простая въ обращеніи, она привлекала къ себѣ многіе сочувственные взоры именно благодаря умной, чуждой всякой напыщенности и заносчивости, манерѣ держаться „на людяхъ“; красотой она не отличалась, но ея стройная, средняго роста фигура, ея продолговатое лицо съ высокимъ лбомъ, съ ласковыми голубыми глазами и пріятной улыбкой, ея мелодическій голосъ нравились многимъ; а главное: она умѣла „нравиться“, умѣла произвести впечатлѣніе и быть обаятельной не столько физическими, сколько внутренними, какъ природными, такъ и пріобрѣтенными свойствами своей личности,—умомъ и тактомъ, тонко отшлифованными при помощи широкой начитанности и образованія.

Многое изъ того, что дѣлала Екатерина, выходило у нея „ловко“ и „красиво“. Ловко и красиво она ѣздила верхомъ, съ увлеченіемъ предаваясь этому спорту въ молодости. Понявъ, что обстоятельства заставляютъ быть не въ сторонѣ отъ политики (какъ совѣтовалъ когда-то отецъ) а, напротивъ, въ ея курсѣ, Екатерина вмѣшалась въ политическія интриги и ловко и тоже не безъ изящества проводила за носъ не только англійскаго посла, сошедшаго съ ума по дорогѣ изъ Россіи, но и такую хитрую лисицу, какой былъ Елизаветинскій канцлеръ Бестужевъ-Рюминъ, а затѣмъ, когда онъ попался, не менѣе ловко вывернулась изъ-подъ отвѣтственности по „бестужевскому

дѣлу". У Екатерины были недоброжелатели, хотя и немного, но бѣда заключалась въ томъ, что во главѣ ихъ стоялъ ея законный супругъ. Она впередъ видѣла опасность, какая грозила ей съ этой стороны, и чтобы „не погибнуть", а „спасти самое себя", старательно привлекала на свою сторону возможно большее количество людей, сознательно поставивъ себѣ опредѣленную честолюбивую цѣль—занять, если позволятъ обстоятельства, мѣсто своего супруга. Обстоятельства, мы видѣли, поблагопріятствовали Екатеринѣ, она сумѣла ими воспользоваться, тѣмъ болѣе, что самъ супругъ усиленно помогалъ ей въ этомъ направленіи,— и на плечахъ гвардейскихъ офицеровъ-заговорщиковъ достигла не только власти, но даже самодержавной власти (28 іюля 1762 г.). На русскій престолъ она возсѣла уже вполнѣ сложившимся человѣкомъ 33 лѣтъ, и потому, если позднѣе въ ея психикѣ мы замѣчаемъ нѣкоторыя какъ бы новыя черты, то это не что иное, какъ проявленіе тѣхъ же основныхъ чертъ ея личности, лишь только нѣсколько видоизмѣненныхъ подъ дѣйствіемъ тѣхъ или иныхъ событій, новыхъ условій ея положенія и возраста.

III.

Екатерина II была второю русскою императрицею, право которой на русскій престолъ основывалось исключительно на силѣ; первой была Екатерина I, которая все-таки могла ссылаться на не подлежавшую провѣркѣ волю своего покойнаго великаго супруга, незадолго до смерти ее торжественно короновавшаго. Екатерина II не имѣла за собой никакихъ оправданій, не могла ссылаться ни на волю своего супруга, вскорѣ погибшаго отъ руки сообщниковъ ея, ни на родство съ царствовавшей въ Россіи династіей: она была иноземкой-узурпаторшей въ самомъ чистомъ видѣ, и ей, мы знаемъ, пришлось ссылаться лишь на волю Бога и народа... Самое большее, на что Екате-

рина могла разсчитывать, это на регенство, при существованіи законнаго наслѣдника русскаго престола, ея сына Навла Петровича, а она, бывшая ангальтъ-цербстская принцесса, была провозглашена россійской самодержицей. Это было изумительнымъ событіемъ. Оно-то и опредѣлило прежде всего стремленіе Екатерины доказать, что Богъ и народъ со своими избранниками не ошиблись въ ней, что она вполнѣ дойстойна того высокаго положенія, которое вышало на ея долю; отсюда всѣ ея мѣропріятія, имѣвшія цѣлью доставить „блаженство“ подданнымъ, отсюда ея знаменитый Наказъ и Коммиссія Новаго Уложенія, ея заботы о гуманныхъ законахъ и насажденіи добрыхъ нравовъ и въ обществѣ, и въ администраціи, отсюда же ея стремленіе къ славѣ и величію Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Екатерина старалась заслужить и общеевропейскую славу, какъ означенными мѣропріятіями и деклараціями, такъ и при помощи милостиво-внимательнаго отношенія къ вождямъ западно-европейскаго общественнаго мнѣнія. Ведя исполненную тонкой лести переписку съ Вольтеромъ, она имѣетъ за границей постоянныхъ услужливыхъ корреспондентовъ - коммиссіонеровъ въ другѣ своей матери, г-жѣ Бьельке и особенно въ лицѣ извѣстнаго Гримма, тоже принадлежавшаго къ такъ называемымъ „философскимъ“ кругамъ Европы; она не только не скупится въ комплиментахъ своимъ заграничнымъ „учителямъ“, не только заискиваетъ у Вольтера и Д'Аламбера, (умѣло подготовляя послѣдняго къ расточенію ей похвалъ за Наказъ и за ея якобы болѣе радикальныя намѣренія, не нашедшія мѣста во вторичной редакціи этого произведенія не по ея волѣ), но и беретъ „философовъ“ подъ свое покровительство, предложивъ имъ издавать въ Ригѣ осужденную и запрещенную во Франціи энциклопедію. Дѣлаетъ имъ и другія лестныя и выгодныя предложенія, стремясь выбрать изъ этой энциклопедической среды учителя - воспитателя для своего старшаго

Великая княгиня ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢЕВНА
(впослѣдствіи Императрица Екатерина II).
Портретъ худ. Г. Х. Грота, хранящійся въ Романовской галлереѣ.

внука Александра; между другими она приглашаетъ въ Петербургъ Дидро, умно бесѣдуетъ съ нимъ и, хотя въ интимной перепискѣ и удивляется наивности этого идеалиста, его незнанію реальной жизни, но тѣмъ не менѣе покупаетъ библіотеку Дидро и оставляетъ ее въ его пожизненномъ пользованіи, выплативъ философу 50,000 ливровъ пенсіи, какъ своему библіотекарю. Но главнымъ магомъ общественнаго мнѣнія въ Европѣ былъ Вольтеръ, и потому понятно, что при его жизни Екатерина не знала, какъ и польстить ему: въ одномъ письмѣ своему корреспонденту она выражаетъ страстное желаніе имѣть сто полныхъ экземпляровъ сочиненій Вольтера, дабы распространить ихъ повсюду. „Хочу“, писала она, „чтобы они служили образцомъ, чтобы ихъ изучали, чтобы выучивали наизусть, чтобы души питались ими: это образуетъ гражданъ, геніевъ, героевъ и авторовъ, это разовьетъ сто тысячъ талантовъ“. Все это и подобное должно было производить и дѣйствительно производило на европейскихъ публицистовъ то впечатлѣніе, на которое было разсчитано. Екатерина достигла своей цѣли: „философы“ сдѣлали ей большое имя въ Европѣ, поставили ее выше всѣхъ современныхъ ей монарховъ, какъ мудрую законодательницу, Семирамиду Сѣвера. Это авторитетное мнѣніе для Екатерины было не только пріятно, не только льстило ея громадному тщеславію: оно было и полезно для нея, оказавъ дѣйствіе гипноза на русское общество, не устававшее и въ ея время, и потомъ повторять о величіи и мудрости „славной царицы“. Но при всемъ томъ, положеніе ея на тронѣ заставляло ее приспособляться и непосредственно къ русской жизни, къ тѣмъ политическимъ и соціальнымъ условіямъ, въ самомъ центрѣ которыхъ ее помѣстила слѣпая „фортуна“. Тутъ-то пришелъ на выручку Екатеринѣ ея удивительный, природный и воспитанный всѣмъ ея прошлымъ тактъ. И, достигнувъ своего высокаго положенія, Екатерина съ такимъ же необыкновеннымъ ис-

кусствомъ, съ какимъ она обходила опасные рифы своей прежней зависимой жизни, лавировала между нужными людьми, между самыми противорѣчивыми теченіями мысли и политики. Екатерина въ письмѣ къ Гримму сама любовалась собой и своимъ тактомъ, какъ она, по ея выраженію, слѣдовала „ускореннымъ скокомъ“ (kurz Galop) между противорѣчивыми мнѣніями Григорія Орлова и Никиты Панина, и какъ отъ такого ловкаго аллюра „дѣла великой важности принимали какую-то мягкость и изящество“. Не столь мягко и изящно, но все-таки, съ ея точки зрѣнія, „ловко“ Екатерина соглашала свои либеральныя идеи съ политикой, которой она реагировала и на свое положеніе, на возможныя и мнимыя его опасности, и на русскую дѣйствительность, весьма далекую тогда отъ европейскаго философскаго и экономическаго либерализма.

Будучи самодержицей, Екатерина ревниво оберегала самодержавный принципъ. Обращаясь къ русской исторіи, находила тамъ неопровержимыя доказательства спасительности самодержавія и для монарха, и для государства. Отсюда понятно отрицательное отношеніе Екатерины къ сочиненіямъ Руссо съ самаго начала ея царствованія. Да и вообще, ея свободомысліе имѣло очень тѣсныя границы и больше оставалось на словахъ, чѣмъ переходило въ дѣло. Въ жизни Екатерина руководствовалась, главнымъ образомъ, тѣмъ, что соотвѣтствовало не ея либеральнымъ и гуманнымъ принципамъ, а практикѣ самодержавія. Знаменитый „Наказъ“ Екатерины, составленный по сочиненіямъ европейскихъ „философскихъ“ и публицистическихъ авторитетовъ, въ особенности государствовѣда Монтьескье и криминалиста Беккаріа, переполненъ возвышенными идеями, проникнутъ общимъ духомъ гуманности и законности; но практика самодержавія, какъ увидимъ ниже, вторглась и сюда, въ эту своеобразную декларацію общечеловѣческихъ и гражданскихъ правъ... Съ начала царствованія, въ самый разгаръ своего либе-

рализма и показной терпимости къ чужимъ мнѣніямъ, Екатерина нимало не останавливалась предъ преслѣдованіемъ за свободное печатное слово. Такъ, напр., въ 1763 г., получивъ анонимную французскую книгу объ исторіи Петра III, непріятную для нея, либеральная императрица повелѣла своимъ резидентамъ за границей „прилежно“ разыскать автора и потребовать отъ его правительства, дабы онъ былъ наказанъ. Когда же въ Лондонѣ появилась газета, направленная противъ русскаго двора, то Екатерина въ числѣ своихъ совѣтовъ, какъ дѣйствовать противъ газетчика, на первый планъ поставила совѣтъ— „поколотить его“, зазвавъ въ подходящее для того мѣсто. Противница пытки и суровыхъ безчеловѣчныхъ наказаній, вообще всякой ненужной жестокости, Екатерина, однако, не усумнилась согласить свои гуманные принципы съ мастеромъ тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, недоброй памяти— Шешковскимъ, заставившимъ своею дѣятельностью вспомнить объ уничтоженной Петромъ III страшной Тайной Канцеляріи, не усумнилась, далѣе, соединить эти принципы съ заключеніемъ въ Шлиссельбургъ Новикова, со ссылкой въ Сибирь Радищева. Существуютъ характерныя мелочи, которыя весьма ярко обрисовываютъ необыкновенную эластичность ума и характера Екатерины. Въ 1771 году она увѣряла Вольтера, что о какихъ-либо исповѣдныхъ росписяхъ въ Россіи никто и не слыхалъ: „мы не знаемъ“, писала императрица, „даже ихъ названія“; и въ томъ же году она подписала высочайшій выговоръ тобольскому губернатору Чичерину за нерадѣніе въ составленіи „исповѣдныхъ росписей“. Къ самымъ писаніямъ своихъ заграничныхъ учителей Екатерина относилась въ разное время неодинаково, дѣлая и тутъ столь любимый ею kurz Galop. Мы видѣли, съ какою любовью отнеслась она къ твореніямъ Вольтера при его жизни, но вотъ фернейскаго мудреца уже нѣтъ на свѣтѣ,—и авторъ Наказа пишетъ Гримму: „Послушайте, кто же въ силахъ прочесть пять-

десять два тома сочиненій Вольтера?“ Теперь Екатерина проситъ доставить ей уже не сто тыс., а только два экземпляра посмертнаго изданія сочин. Вольтера, да и тѣ она велитъ отослать Ваньеру, дабы онъ отмѣтилъ въ писаніяхъ „учителя“ „что справедливо и что несправедливо“. По полученіи этихъ экземпляровъ, Екатерина ихъ не раскрывала.

Пугачевскій бунтъ, до основъ поколебавшій государство и чуть было не смывшій своей грозной волной тронъ Екатерины, произвелъ на нее неизгладимое, угнетающее впечатлѣніе, и потому неудивительно, что бывшая ученица Вольтера и Монтескье отрицательно стала относиться къ тѣмъ раньше самою же ею занесеннымъ въ Наказъ „аксіомамъ“, которыми можно было „разрушать стѣны“, ниспровергать основы. Разразившаяся, противъ ожиданія Екатерины, французская революція довершила эволюцію ея политическихъ и соціальныхъ мнѣній: императрицѣ снова слышался подземный гулъ народнаго бунта, ей всюду мерещились мартинисты и якобинцы, даже ея личная гибель отъ послѣднихъ, и Екатерина не придумала лучшей клички для дѣятелей Національнаго Собранія, какъ „канальи“, „родственные маркизу Пугачеву“. „Заразу французскую“ императрица считала даже опаснѣе пугачевскаго ядовитаго вымысла, „прежде выдуманныхъ провинціальныхъ исторій“; чтобы предупредить эту „заразу“, она готова была на всякія мѣры и все болѣе и болѣе вооружалась даже противъ тѣни вольномыслія: бывшая лютеранка, поклявшаяся отцу, что она навсегда сохранить въ душѣ „сѣмена“ своей „святой вѣры“, затѣмъ индиферентная къ религіи вольтеріанка, Екатерина кончила тѣмъ, что высказалась за православіе для протестантскихъ правительствъ, какъ за оплотъ именно противъ „безнравственной, анархической, преступной, воровской, богохульной, опрокидывавшей всѣ престолы и непріязненной всякой религіи заразы“. Испугъ Екатерины предъ

этой „заразой“ былъ такъ великъ, что превратилъ сторонницу освободительнаго просвѣщенія въ его противницу: будучи очень высокаго мнѣнія о русскомъ народѣ какъ объ „особенномъ въ цѣломъ свѣтѣ“, какъ о народѣ, отличающемся „догадкой, умомъ и силой“, она стала усматривать для себя и правящаго слоя прямую опасность отъ распространенія просвѣщенія и сознательности въ народныхъ массахъ. Бояться за себя на русскомъ престолѣ Екатерина имѣла еще мѣстное династическое основаніе: и по устраненіи съ ея пути двухъ законныхъ, но свергнутыхъ императоровъ,—предъ ней въ теченіе всего царствованія стоялъ рядомъ съ мертвымъ живой укоръ, въ лицѣ ея сына, бывшаго настоящимъ наслѣдникомъ Петра III и долженствовавшаго царствовать по достиженіи совершеннолѣтія. Въ вѣчномъ страхѣ, что вмѣсто нея, узурпаторши, возведутъ на престолъ ея сына, могла ли себялюбивая Екатерина воспитать въ себѣ иное отношеніе къ Павлу Петровичу, а не то, которое у ней развивалось crescendo въ теченіе всего царствованія? Отвѣтъ ясенъ, тѣмъ болѣе, что у Екатерины материнское чувство было подавлено въ самомъ началѣ, когда, по рожденіи сына, императрица Елизавета Петровна отобрала его у Екатерины и совершенно отстранила ее отъ материнскихъ заботъ и воспитанія, а въ дальнѣйшемъ, подъ вліяніемъ особенности положенія Екатерины на тронѣ, равнодушіе ея къ сыну мало по малу перешло въ подозрительное и непріязненное чувство, даже въ ненависть... Глухая тяжелая драма, созданная обстоятельствами между царственными матерью и сыномъ, проявлялась иногда въ некрасивыхъ, недостойныхъ вѣнценосной матери сценахъ, а въ концѣ концовъ привела ее къ твердому желанію лишить сына престола въ пользу любимаго старшаго внука, сосредоточившаго на себѣ неудовлетворенное материнское чувство своей знаменитой бабушки. Многое изъ того, чѣмъ характеризуется Екатерина въ послѣдніе годы ея

жизни, несомнѣнно, обусловливается постарѣніемъ и даже одряхлѣніемъ ея мысли. Она прожила большую, обильную впечатлѣніями, — страхами и наслажденіями, крайне напряженную жизнь. Несчастная съ юности въ супружествѣ, она затѣмъ пережила не мало увлеченій, мимолетныхъ и болѣе глубокихъ: въ спискѣ ея фаворитовъ, дѣтей „случая“, недавно опубликованномъ въ „Русскомъ Архивѣ“, — однихъ наиболѣе извѣстныхъ „парeньковъ“ (по терминологіи секретаря Екатерины II—Храповицкаго) насчитано 15. Извѣстно, что фаворитизмъ при ней попалъ въ русло государственнаго строительства, былъ организованъ, и „счастливцы“, попавшіе въ длительный „случай“, являлись своего рода должностными лицами. Не успокоилась Екатерина и въ преклонномъ возрастѣ и тогда тѣмъ скорѣе стала физически и духовно слабѣть.

Если Екатерина много любила, то не мало на своемъ вѣку она и потрудилась, будучи въ этомъ отношеніи внѣ конкурса съ остальными императрицами XVIII ст. Хотя нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что часто Екатерина лишь мистифицировала публику своей необычайной самостоятельной работой, въ дѣйствительности производя ее умомъ и руками опытныхъ и знающихъ лицъ, но тѣмъ не менѣе и лично Екатерина вникала во многое и проявила большую склонность къ работѣ перомъ въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ „письменности“, какъ о томъ неопровержимо свидѣтельствуютъ 12 томовъ „сочиненій“ Екатерины II, изданныхъ Императорской академіей наукъ (1901—1907 г.); эта склонность создала соотвѣтствующую привычку: императрицѣ постоянно хотѣлось что-нибудь написать или по крайней мѣрѣ исправить написанное другими, и она не даромъ говорила, что „не пописавши, нельзя и одного дня прожить“. Въ самомъ дѣлѣ, законодательство и изящная литература, внѣшняя политика и русская исторія, — во всѣхъ этихъ разнородныхъ областяхъ Екатерина приложила свою руку и обнаружила много свойственной ей настойчивости; об-

нирная же переписка, записки и воспоминанія ея, раскрывая въ полномъ блескѣ ея гибкій и тонкій умъ и холодное, саркастическое остроуміе, еще болѣе дѣлаютъ несомнѣннымъ фактъ большой трудоспособности этой императрицы. Правда, есть свидѣтельство хорошо знавшаго Екатерину современника (кн. Щербатова), что она была не въ состояніи „принудить себя къ такимъ дѣламъ, которыя ей могутъ скуку наводить“; но тотъ же современникъ свидѣтельствуетъ и о томъ, что Екатерина была „славолюбива“ и „самолюбива до безконечности“, а это такія свойства, которыя, при ея умѣ и не совсѣмъ твердомъ положеніи на тронѣ, настоятельно заставляли ее работать, вникать не только во внѣшнія, но и въ менѣе ей сродныя и понятныя, дѣйствительно наводившія на нее скуку, внутреннія дѣла, заставляли, какъ разсказываетъ другой современникъ (Энгельгардтъ), хотя бы отбирать памятныя книжки у вице-губернаторовъ съ записями о состояніи подвѣдомственныхъ имъ частей. Дѣятельная же, въ общемъ, жизнь Екатерины долго поддерживала въ ней тѣлесную крѣпость и душевную бодрость. Этому содѣйствовала и отличавшая Екатерину умѣренность въ пищѣ и питьѣ, въ отношеніи чего она являлась прямою противоположностью императрицѣ Елизаветѣ. Вполнѣ естественно поэтому, что Екатерина и въ свои 52 года (предѣлъ жизни ея предшественницы) была еще очень видная женщина, отчасти не утратившая былого обаянія; хотя, по мнѣнію очевидца иностранца, она была „немного полна грудью и тѣломъ“, она всетаки еще нравилась, при нѣкоторой, правда, помощи искусства: „ея щеки, благодаря краскѣ“, были „ярко румяны“, а голубые глаза смотрѣли попрежнему ласково спокойно, и „въ ея взглядѣ“, говоритъ современникъ, было „столько же достоинства и величія, сколько милости и снисхожденія“. И держалась она попрежнему „весьма прямо“... Но не прямо шло ея „мудрое“ правленіе: оно дѣлало рѣзкіе зигзаги въ зависимости

отъ обстоятельствъ и страстей; „великодушіе и сострадательность по системѣ“, подмѣченныя въ Екатеринѣ кн. Щербатовымъ, смѣнялись суровостью и жестокостью тоже „по системѣ“, когда эта смѣна по обстоятельствамъ казалась необходимой или полезной; замыселъ дать „блаженство“ подданнымъ, претерпѣвъ цѣлый рядъ идейныхъ метаморфозъ, въ сущности вылился въ дарованіе блаженства фаворитамъ, льстецамъ и вообще въ томъ или другомъ отношеніи пріятнымъ или нужнымъ людямъ, ибо у Екатерины „даромъ никто умень не бывалъ“, ибо надъ всѣмъ остальнымъ, надъ интересами не только народа, но и государства, въ ея сознаніи возвышалось ея личное „я“; въ этомъ смыслѣ она дѣйствительно была „горячей головой“, какъ она сама себя называла; этому „я“ она и принесла въ жертву „пользу, честь и счастье подданныхъ“, обѣщанныя ею въ Наказѣ. Годы шли, „прелести“ пропадали, а вмѣстѣ съ тѣмъ незамолкнувшія страсти становились болѣзненнѣе,—способность къ умственному труду угасала, хирѣла, и „мать отечества“, притупившая, по ея собственнымъ словамъ, „на долговременной службѣ государству зрѣніе“ и начавшая иногда поговаривать, что послѣ нея „хоть трава не расти“, стала превращаться въ слабонервную, часто брюзжавшую старуху, все глубже и глубже погружавшуюся въ придворную тину, съ ея нечистоплотными сплетнями, низменной враждой и борьбой и съ развлеченіями въ видѣ игры въ вистъ или фанты въ интимномъ кругу близкихъ, почтенныхъ особымъ довѣріемъ, лицъ... Такъ „великая“ монархиня, во всякомъ случаѣ „ловко“, съ заботами главнымъ образомъ о самой себѣ прошедшая свой долгій жизненный путь, пережила себя гораздо раньше, чѣмъ умерла (въ 1796 г., 6 ноября, въ четвергъ,—въ $9^3/_4$ ч. вечера—67 лѣтъ 6 мѣсяц. и 15 дней). Ея прикрашенный эгоизмъ соединился не съ творческимъ талантомъ, а съ изумительной способностью, даже съ геніемъ приспособляемости, — и Екатерина сумѣла

много получить отъ жизни; но эти же свойства личности Екатерины помѣшали ей сколько-нибудь облегчить русскій народъ и явиться въ глазахъ лучшихъ людей русскаго общества вполнѣ достойной пріобрѣтенной ею славы[1]).

---

[1]) Источники и пособія: Записки императрицы Екатерины II; Наказъ изд. 1820 г. Полн. Сбор. Закон., XVIII, № 12.949; Сбор. Импер. русск. ист. общ., т. XXIII, XXVII и др.—переписка Екатерины; Дневникъ Храповицкаго; Записки Грибовскаго (Русск. Арх., 1899, I); „О повреждении нравовъ въ Россіи кн. М. М. Щербатова; Записки Л. Н. Энгельгардта; Историческія замѣчанія (1822 г.) Пушкина (Сочин. Пушкина, изд. Венгерова, т. IV). Русская Старина, т. 42; Русск. Архивъ, 1878 г., т. III; 1911, VII, XII; 1912, VII; K. Walisszewski, Le roman d'une imperatrice, и его же: Autour d' un trône Catherine II; С. М. Соловьевъ, Исторія Россіи, XXV—XXIX т. т.; В. А. Бильбасовъ, Исторія Екатерины II, т. т. I и II и двѣ части XII тома — обзоръ иностранныхъ источниковъ; В. С. Иконниковъ—Значеніе царствованія императрицы Екатерины II; Его же: „Императрица Екатерина II, какъ историкъ (Русск. Арх., 1911, VII); В. О. Ключевскій, Екатерина II (Русск. Мысль, 1896 г., № 2); С. М. Горяиновъ, На пути къ трону (Русск. Мысль, 1900, II и III).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Первые годы царствованія Екатерины II.

I.

«Случай» въ XVIII в.

Изъ предшествующаго изложенія ясно, что Екатерина II, какъ самодержавная россійская императрица, при всѣхъ своихъ выдающихся „качествахъ, характерѣ и поведеніи“, несомнѣнно должна быть отнесена къ числу тѣхъ „случайныхъ“ людей, которыхъ особенно много появилось въ правительственныхъ и придворныхъ сферахъ Россіи въ теченіе XVIII столѣтія. Это былъ вѣкъ всевозможныхъ превращеній, стремительныхъ карьеръ и паденій, вѣкъ блестящихъ тріумфовъ и мрачныхъ трагедій. Условія, въ которыхъ находилась Екатерина въ Россіи, обстоятельства, созданныя недолгимъ правленіемъ Петра III, и личныя свойства его супруги достаточно объясняютъ этотъ самый блистательный „случай“ изъ всѣхъ остальныхъ „случаевъ“ XVIII вѣка.

Трудность положенія Екатерины.

Въ первые годы царствованія положеніе Екатерины на русскомъ престолѣ было очень труднымъ. Трудность была двоякая. Прежде всего не легко было удержаться на престолѣ, занятомъ не по династическому праву, не по дѣйствовавшему закону и даже не вслѣдствіе того права, которое дается чрезъ дѣйствительное избраніе, какъ это было въ 1613 году, а силой, внезапнымъ вооруженнымъ нападеніемъ во главѣ гвардейскихъ войскъ на законнаго государя. Екатерина въ своемъ подробномъ манифестѣ,

между прочимъ, обвиняла Петра III въ томъ, что онъ былъ намѣренъ лишить сына престола или даже „отечество въ чужія руки отдать“. Въ такое именно положеніе и попала Россія: не пожелавъ, опираясь на гвардію, удовольствоваться ролью только регентши при своемъ сынѣ, единственномъ законномъ наслѣдникѣ русскаго престола, Екатерина взяла Россію въ свои руки, т. е. по отношенію къ Россіи — совершенно „чужія“. Надо было доказать населенію, что это не „чужія руки“, что не народъ существуетъ для Екатерины, а она для народа, будучи ниспослана для его „блага“ самимъ Богомъ. Доказать это было тѣмъ болѣе не легко, что привычное, не Екатериной созданное отношеніе къ народу, давало себя знать на первыхъ же порахъ. Такъ, на другой день послѣ гибели Петра III, т. е. 7-го іюля было объявлено „высочайшее повелѣніе“ пускать въ нѣкоторые петербургскіе сады всѣхъ, кромѣ тѣхъ, которые будутъ „въ лаптяхъ“, кромѣ тѣхъ еще, которые будутъ въ костюмѣ прусскаго образца. Народу лапотниковъ пожаловались въ тотъ же день въ „обстоятельномъ“ манифестѣ (отъ 6-го іюля) на свергнутаго и убитаго мужа и тутъ же сослались на волю этого народа, проявленную имъ чрезъ его „избранниковъ“ въ петербургскомъ „дѣйствѣ“ 28 іюня, но и только: дальнѣйшее отношеніе къ этому народу совпало съ отношеніемъ къ приверженцамъ Петра III, каковые заподозривались въ любителяхъ прусскаго платья.

Способы, употребленные Екатериной для привлеченія къ себѣ народной симпатіи.

Тѣмъ не менѣе императрица и ея приверженцы хорошо понимали, что и „лапотника“ надо облагодѣтельствовать, чтобы онъ не только молчалъ и повиновался, но и возносилъ хвалу Екатеринѣ, какъ своей, а не чужой, какъ „матушкѣ-царицѣ“. Опять-таки въ тотъ же день, 7-го іюля, было объявлено „облегченіе народной тягости“: цѣна соли была уменьшена 10 коп. на пудъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ выразилась и благодарность Екатерины

народу за „избраніе“, благодарность, надо сознаться, довольно ощутительная, но только не сразу: „нужно было“, говоритъ историкъ Екатерины, „съѣсть пудъ соли, чтобы восчуствовать императорскую благодарность на 10 коп.“

Внезапная смерть Петра III произвела на народъ сильное впечатлѣніе. Послѣ погребенія этого императора народъ долго не расходился. Пошли разнаго рода толки. Толкамъ, вѣроятно, способствовало то вспоминавшееся обстоятельство, что когда тѣло Петра III было выставлено для прощанія съ нимъ народа, то приставленные къ гробу офицеры настойчиво приказывали проходить, не давая возможности сосредоточить вниманіе на покойномъ, носившемъ отчасти прикрытые, отчасти явные слѣды насильственной смерти. Стали даже распространяться „пустыя враки“, какъ разнаго рода народныя предположенія называла Екатерина. Тѣмъ болѣе надо было доказать, что она не чужая для народа, тѣмъ болѣе ей хотѣлось вызвать его симпатію къ себѣ. Въ обоихъ своихъ манифестахъ—и въ краткомъ, объявленномъ народу въ самый день переворота, и въ „обстоятельномъ“, 6-го іюля—Екатерина, между прочимъ, говорила объ опасности, угрожавшей отъ ея мужа православію, и выставляла себя, какъ защитницу вѣры и церкви. Надо было подкрѣпить доказательствами и свое такимъ путемъ афишированное правовѣріе. И вотъ Екатерина рѣшила всенародно демонстрировать свою истинную приверженность къ православной вѣрѣ, пожелавъ совершить богомолье въ Ростовъ, гдѣ еще при Елизаветѣ были открыты мощи св. Дмитрія Ростовскаго. Ей очень хотѣлось, чтобы серебрянная рака съ мощами была поставлена въ ея присутствіи; но разныя дѣла задержали Екатерину, и она очень „боялась“, чтобы ростовскій митрополитъ Арсеній Мацѣевичъ не поставилъ раки безъ нея. „Понеже,—писала она, — я знаю властолюбія и бѣшенства Ростовскаго Владыки, я умираю,

боюсь, чтобы онъ не поставилъ раки Дмитрія Ростовскаго безъ меня". Ее успокоили, но въ новомъ письмѣ Екатерина опять напоминала: „Не худо бы подтвердить, чтобъ безъ меня отнюдь не поставили р а к а". Наконецъ, весной богомолье императрицы состоялось. Екатерина вышла изъ Москвы пѣшкомъ. Она шла по 10 верстъ въ день, но обыкновенно, пройдя ихъ, возвращалась въ экипажѣ въ то мѣсто, изъ котораго вышла: здѣсь отдыхала, ѣла, а затѣмъ опять ѣхала туда, откуда возвратилась, и съ того мѣста опять начинала свое шествіе, съ тѣмъ, чтобы снова прокатиться обратно и снова впередъ. Выйдя изъ Москвы 12-го мая, она при такомъ способѣ путешествія, прибыла въ Ростовъ 23 мая, а 24 писала отсюда Панину о томъ, что она собирается въ дальнѣйшій путь на слѣдующій день и что наканунѣ, т. е. въ день прибытія въ Ростовъ Екатерины, „еще чудеса были"; сообщала и о томъ, что „преосвященный Сѣченой" (Дмитрій Сѣченовъ— тотъ самый, который въ рѣчи своей на коронаціонныхъ торжествахъ назвалъ Екатерину „посланницей Господа") „хотѣлъ запечатать раку, дабы мощей не украли; однако я просила", пишетъ Екатерина, „дабы подлый народъ не подумалъ, что мощи отъ меня скрылись, оставить ихъ еще нѣсколько время снаружи".

Такъ императрица доказывала народу свое строгое православіе, стремясь вызвать благопріятныя для себя толки даже въ широкихъ массахъ „подлаго народа", среди нетерпимыхъ въ петербургскихъ садахъ и въ глубинѣ души ею презираемыхъ „лапотниковъ".

II.

Но не простого народа Екатерина боялась на первыхъ порахъ своего царствованія. Это видно изъ того весьма поучительнаго обстоятельства, что въ общемъ съ народомъ не церемонились съ самаго начала. Награждая актив-

Награжденіе «избранниковъ народа».

ныхъ участниковъ переворота, главарей заговора и лицъ, болѣе или менѣе содѣйствовавшихъ его успѣху признаніемъ совершеннаго гвардіей, Екатерина раздала многимъ изъ нихъ огромное количество крестьянъ, сразу 18000 душъ, т. е. поблагодарила „избранниковъ“ народа, какъ справедливо замѣтилъ тотъ же историкъ Екатерины, „отдачей въ кабалу“ имъ „самихъ избирателей“[1]). Сверхъ крестьянскихъ душъ, избранники получили еще деньгами 526.000 р., собранныхъ съ тѣхъ же „избирателей“. Такимъ образомъ, послѣднимъ пришлось очень солоно отъ двойной благодарности Екатерины. Дѣло было очень понятное: „избранники“ подарили Екатеринѣ русскій престолъ; ихъ и надо было, какъ можно лучше, ублаготворить, а „избиратели“—люди простые, „лапотники“—они могли и подождать, удовольствовавшись пока болѣе дешевой солью. Такъ это и было, но бѣда заключалась въ томъ, что были люди, которые не желали ждать; это не „лапотники“, а люди того же круга, который выдѣлилъ изъ себя главнѣйшихъ „избранниковъ“, попавшихъ въ фаворъ. Тутъ оправдался извѣстный афоризмъ: „много званныхъ, а мало избранныхъ“. Тѣ, которые не попали въ число счастливцевъ, но считали себя годными для роскошной и праздной жизни, и были для Екатерины самыми опасными людьми. Дѣйствительно, „замыслы“ начались, но, къ счастью для Екатерины, раскрывались во-время, и „дѣло“ кончалось для императрицы весьма благополучно.

Боязнь Екатерины другихъ авантюристовъ.

Авантюра Мировича.

Особенно замѣчательна попытка поручика Мировича освободить бывшаго императора Ивана Антоновича изъ шлиссельбургскаго одиночнаго заключенія, въ которомъ онъ провелъ болѣе 20 лѣтъ, и „привезти его въ Петербургъ для возведенія на престолъ всероссійскій“. Возможность такого предпріятія предусматривалась, и въ инструк-

[1]) Бильбасовъ. Исторія Екатерины II, томъ 2-й, стр. 84.

ціи, данной шлиссельбургскимъ тюремщикамъ, былъ пунктъ, повелѣвавшій, что если „рука“, явившаяся за безымяннымъ узникомъ, будетъ „сильна“, что „спастись не можно, то арестанта умертвить, а живого никому его въ руки не отдавать“. Руку Мировича тюремщики признали „сильной“, и бывшій императоръ (котораго привозили ранѣе въ Петербургъ для показанія Елизаветѣ, Петру III и Екатеринѣ II), погибъ. Екатерина на нѣкоторое время осталась безъ соперниковъ. Тѣмъ не менѣе она страшно боялась опасности именно съ этой, хорошо ей извѣстной по личному опыту, стороны. Мнительность ея въ первые годы быстро развивалась, и только благодаря крѣпкому уму, сильной волѣ и заботамъ тѣсно связанныхъ съ нею окружающихъ, она была въ состояніи держать себя въ уздѣ. Даже въ 1765 году Екатерина не имѣла увѣренности въ прочности своего положенія. „Малѣйшіе мрачные признаки“ [1]), писалъ французскій уполномоченный при русскомъ дворѣ Беренжеръ, „причиняютъ императрицѣ ужасныя волненія. Но она иногда принимаетъ за важные намеки, такъ мало вѣроятные и ни на чемъ не основанные. И только послѣ длинныхъ и точныхъ изысканій удается успокоить ея страхъ и разсѣять ея подозрѣнія“. Вотъ чѣмъ характеризуется затруднительность положенія Екатерины, затруднительность одного рода, вытекавшая изъ условій ея собственнаго воцаренія и подсказанная чувствомъ самосохраненія. Но ея положеніе заставляло ее преодолѣвать затрудненія и другого рода.

III.

Разстройство народнаго и государственн-

Состояніе, въ которомъ она нашла народное и государственное хозяйство, а также управленіе характеризуется ею самою (въ „Запискѣ на Россійскомъ

[1]) Русскій дворъ, 163.

наго хозяйства. языкѣ“) отрицательными чертами. Народное хозяйство было придавлено торгово-промышленными монополіями, казна была настолько истощена, что русская армія въ Пруссіи за $^2/_3$ 1762 года еще не получила жалованья, а заграничнаго кредита Россія не имѣла; управленіе государствомъ функціонировало въ высшей степени плохо; „явное непослушаніе“ крестьянъ дополняло картину полной государственной дезорганизаціи, бывшей результатомъ 20-тилѣтняго елизаветинскаго царствованія. Къ борьбѣ съ разстройствомъ народной и государственной жизни рѣшительно приступило правительство Петра III, но оно въ сущности успѣло только намѣтить темы и общее направленіе реформъ въ законодательствѣ. Реализировать эти темы и направленіе предстояло Екатеринѣ. Это было очень не легко.

Финансовыя затрудненія. Особенно рельефно выдѣлялась неудовлетворительность государственныхъ финансовъ. Расходы государства превышали его доходы. Это лежало поперекъ дороги даже такимъ правительственнымъ предпріятіямъ, которыя были направлены къ усиленію экономическаго развитія страны. Такъ незадолго до воцаренія Екатерины сенатъ принужденъ былъ отложить дѣло о новомъ водяномъ сообщеніи между Рыбной Слободой и Волховомъ главнымъ образомъ вслѣдствіе „нужды въ деньгахъ“. Всѣхъ государственныхъ доходовъ было 15,350,636 рублей; изъ нихъ расходы 1) на войско—10,418,747 р.; 2) въ распоряженіе императорской власти изъ соляныхъ и таможенныхъ доходовъ 1,150,000 р., 3) на содержаніе двора, придворные отпуски и на канцелярію строеній 603,333 р., 4) малороссійскому гетману 98,147 р., 5) на окладные и чрезвычайные по штатсъ-конторѣ отпуски и жалованныя дачи, а также включая сюда и долгъ, числящійся на штатсъ-конторѣ 4,232,432 р., итого 16,502,656 р.; недоставало—1,152,023 р. Львиная доля шла на войско; при этомъ на содержаніе арміи, находившейся въ Пруссіи, единовременно пошло 1,400,000 р., выдѣленныхъ изъ

Императрица ЕКАТЕРИНА II,
въ коронаціонномъ одѣяніи.
Портретъ худ. С. Торелли, хранящійся въ Св. Синодѣ.

суммъ винныхъ, соляныхъ и изъ новыхъ сборовъ съ черносошныхъ крестьянъ. Только въ томъ случаѣ можно было бы покрыть указанный дефицитъ, если бы былъ отмѣненъ расходъ на заграничную армію, если бы, иными словами, былъ заключенъ миръ съ Пруссіей, и русская армія была бы возвращена въ Россію. Такимъ образомъ миръ съ Пруссіей вытекалъ не только изъ чувства уваженія Петра III къ Фридриху II, но и изъ необходимости финансоваго свойства. Петръ III поступилъ правильно, прекративъ затянувшуюся тяжелую войну, но онъ, ставившій во внѣшней политикѣ интересы личные и династическіе голштинскіе выше интересовъ управляемаго имъ народа, не сумѣлъ удержаться отъ объявленія другой, совершенно ненужной для Россіи, войны... Екатерина, осудившая своего мужа не только за войну съ Даніей, но и за миръ съ Фридрихомъ II, однако, принуждена была подтвердить заключенный миръ съ Пруссіей. И это подтвержденіе осужденнаго мира какъ нельзя лучше доказываетъ пониманіе Екатериной невозможности продолжать борьбу даже съ „самымъ злодѣемъ“ Россіи, какъ прусскій король былъ названъ въ первомъ, краткомъ, манифестѣ русской императрицы. Понятно, было бы рисковано для нея возобновить войну съ этимъ „злодѣемъ“ и при лучшемъ состояніи финансовъ, ибо военная фортуна болѣе капризна, чѣмъ какая бы то ни было иная, — и неудача могла бы быть гибельна для неупрочившагося еще положенія Екатерины; но въ данномъ случаѣ, при полномъ разстройствѣ финансовъ, военное предпріятіе, сейчасъ же по занятіи силой трона, было бы безуміемъ, и Екатерина, благоразумно забывъ о „злодѣѣ“, признала на дѣлѣ правильнымъ то, что раньше она, въ интересахъ агитаціи, осудила на бумагѣ.

Заключеніе мира съ Пруссіей.

Подобнымъ образомъ Екатерина отнеслась и къ вопросу о церковныхъ вотчинахъ. На первыхъ порахъ для привлеченія къ себѣ симпатіи духовенства, она отмѣнила указъ Петра III о секуляризаціи, и коллегія

Отношеніе Екатерины къ вопросу о секуляризаціи.

экономіи была отставлена; затѣмъ, вскорѣ учредивъ комиссію о церковныхъ имѣніяхъ, Екатерина дала этой комиссіи инструкцію противоположнаго содержанія, — въ духѣ мѣропріятій по этому предмету Петра Великаго. Оставляя монастырскихъ крестьянъ за монастырями, инструкція не даетъ права духовенству пользоваться доходами съ ихъ земель, обрабатываемыхъ монастырскими крестьянами. Петръ III отдалъ монастырскимъ и др. церковнымъ крестьянамъ ту землю, которую они обрабатывали, сравнявъ ихъ съ государственными крестьянами; Екатерина оставила ихъ прикрѣпленными къ монастырямъ; не нарушая такимъ образомъ крѣпостного принципа, она въ соціальномъ смыслѣ сдѣлала шагъ назадъ сравнительно со своимъ мужемъ, но въ финансовомъ отношеніи она, опираясь на законоположенія Петра Великаго, тѣмъ самымъ подтвердила и распоряженіе Петра III о секуляризаціи въ пользу государства. На обязанность Комиссіи о церковныхъ имѣніяхъ и было возложено, подсчитавъ денежные и хлѣбные доходы монастырей, архіереевъ и пр., опредѣлить штаты для ихъ содержанія; было предрѣшено, что вся остальная сумма доходовъ будетъ обращена на просвѣщеніе духовенства, на призрѣніе инвалидовъ и нищихъ, а также на пенсіи кавалерамъ орденовъ. Словомъ, инструкція, внося смятеніе въ церковное крестьянство, по существу не измѣняла положенія духовенства по отношенію къ церковнымъ вотчинамъ, сравнительно съ тѣмъ, какъ оно было установлено Петромъ III; ибо слишкомъ было ясно, что не имѣть права распоряжаться доходами съ церковныхъ вотчинъ — значитъ не имѣть ихъ. Въ инструкціи комиссіи Екатерина заявила; „Мы собственной своей въ томъ пользы не ищемъ и не намъ, но имени Божію служить стараемся“. Это однако не предотвратило „духовнаго“ протеста. Изъ среды духовенства опять раздался громкій голосъ противъ секуляризаціи. На этотъ разъ протестъ былъ одиночный, но очень смѣлый: заговорилъ

прямой радѣтель Церкви — митрополитъ ростовскій Арсеній Мацѣевичъ, энергія и рѣшительность котораго была столь ненавистна Екатеринѣ. Не въ меньшій азартъ, чѣмъ Петра III, привелъ Арсеній Мацѣевичъ своимъ протестомъ и его супругу, съ той только разницей, что женскій „азартъ“ оказался гораздо длительнѣе, настойчивѣе и сопровождался печальными для владыки послѣдствіями. За мужественную и откровенную отповѣдь инструкціи Екатерины, за защиту церковныхъ вотчинъ отъ посягательствъ государства митрополитъ Арсеній Мацѣевичъ, названный Екатериной „вралемъ“, былъ арестованъ, судимъ по желанію Екатерины, св. синодомъ, не заступившимся за самаго виднаго іерарха церкви, и осужденъ на заточеніе въ монастырь—„на крѣпкое смотрѣніе“, съ лишеніемъ сана, а также „бумаги и чернилъ“. Св. Синодъ выдалъ свѣтской власти самаго стойкаго борца за прерогативы церкви, а потому съ секуляризаціей можно было не медлить: по утвержденіи вновь коллегіи экономіи въ 1763 (12-го мая), государство въ 1764 году (26-го февраля) навсегда покончило свои счеты съ Церковью, обративъ ее—секуляризаціей и установленіемъ штатовъ—въ подлинное государственное установленіе.

Въ своей рѣчи къ Синоду, послѣ осужденія и заточенія безбоязненнаго митрополита, Екатерина, уже совсѣмъ не стѣсняясь съ духовными сановниками, опредѣленно высказала государственную точку зрѣнія на вопросъ о церковныхъ имѣніяхъ. Указавъ на громадныя богатства, которыми владѣетъ духовенство, а также на заповѣдь Христа, повелѣвшаго бѣднякамъ апостоламъ внушать людямъ „презрѣніе къ богатствамъ“, отмѣтивъ и то, что она слышала изъ устъ духовныхъ преемниковъ апостоловъ, что „царство ихъ было не отъ міра сего“, Екатерина съ негодованіемъ поставила вопросъ о томъ, какъ духовенство, „не нарушая должности званія своего и не терзаясь въ совѣсти“, можетъ имѣть безпредѣльныя

владѣнія", дѣлающія его положеніе подобнымъ царскому. По мнѣнію Екатерины, эти „владѣнія" похищены у государства, и просвѣщенные члены Св. Синода не могутъ не видѣть этого. А потому, „есть-ли вы", такъ закончила свою рѣчь императрица, „повинуетесь законамъ, есть-ли вѣрнѣйшіе мои подданные, то не умедлите возвратить государству все то, что вы неправильнымъ образомъ обладаете".

Такъ духовенству и пришлось возвратить государству то, что у этого сословія рѣшено было отнять. Вольтеръ, пришедшій въ восторгъ отъ указа Петра III о церковныхъ имѣніяхъ, тѣмъ болѣе могъ рукоплескать своей почтительной ученицѣ, умѣвшей говорить съ высшими представителями духовенства такимъ языкомъ, какой она обнаружила въ своей синодской рѣчи. Настойчивость Екатерины и въ этомъ вопросѣ столь же понятна, какъ и ея быстро возникшая готовность поддержать мирныя отношенія къ Пруссіи, и объясняется эта настойчивость финансовою нуждою государства. Послѣдняя заставила Екатерину встать въ противорѣчіе съ самой собой и въ разрѣшеніи церковно-экономическаго вопроса: нужда въ доходахъ была такъ велика, что императрица, понимая, конечно, на какомъ фундаментѣ покоится ея власть, рѣшила рискнуть, ради финансовой выгоды, расположеніемъ духовенства, и опытъ удался превосходно, ибо духовенство, въ свою очередь, поняло, гдѣ находится истинная опора Екатерины.

IV.

Увеличеніе доходовъ казны.

Дѣйствительно, доходы государства, съ отобраніемъ церковныхъ вотчинъ, значительно возросли. Въ 1762 г. государственнаго дохода было 15,350,636 р., а въ 1763 году—19,358,650 руб. [1]).

[1]) Арх. Госуд. Совѣта, Соед. депар. Зак. и Экон., 1812 г., №№ 46 и 49.

Съ 1763 года казна стала получать съ бывшихъ монастырскихъ и церковныхъ имѣній свыше 1,500,000 р. Доходы казны увеличивались и другими способами; но сейчасъ указанный является среди нихъ наиболѣе видимъ. Впослѣдствіи, въ общемъ обозрѣніи финансовъ до 1810 г. (представленномъ министромъ финансовъ) официально указывалось, что возвышеніе дохода въ 1763 г. произошло „отъ прибыльныхъ душъ по новой переписи, отъ накладныхъ по 60 к. на душу, отъ новыхъ сборовъ, учрежденныхъ на жалованье по новымъ штатамъ, главнѣйше же отъ доходовъ съ монастырскихъ имѣній“[1]).

Поиски доходовъ.

Поиски доходовъ въ первые годы царствованія Екатерины были весьма энергичны. Увеличеніе доходовъ къ концу 60-хъ годовъ Екатерина впослѣдствіи приписывала исключительно энергичности этихъ поисковъ, полагая, что недостатокъ доходовъ зависѣлъ именно отъ несовершенства финансоваго управленія, отъ его неумѣнія выяснить наличность возможныхъ поступленій. Такъ смотря на дѣло впослѣдствіи, императрица забыла новые, ея финансовой политикой созданные, доходы и между ними, разумѣется, —поступленія по коллегіи экономіи. Въ своей „запискѣ на Россійскомъ языкѣ“ Екатерина, сообщивъ, что государственныхъ доходовъ было 16 мил., далѣе свидѣтельствуетъ: „По прошествіи 2-хъ лѣтъ я посадила князя Вяземскаго и тайнаго дѣйствительнаго совѣтника Мельгунова, тогдашняго президента камеръ—коллегіи, считать доходы. Они нѣсколько лѣтъ считали. Наконецъ, сочли 28 мил., —12 мил. больше нежели Сенатъ вѣдалъ“[2]). Такому успѣху финансовой дѣятельности Екатерины въ первые годы царствованія несомнѣнно, кромѣ „естественнаго наростанія“ доходовъ и „умноженія“ разныхъ сборовъ, кромѣ поступленій съ бывшихъ церковныхъ вотчинъ, несомнѣн—

[1]) Ibid.
[2]) Сочин. Екатерины II) 12 томъ, 2-й полут., 59.

Мѣры касательно торговли и промышленности.

но содѣйствовало и увеличеніе тѣхъ доходовъ, которые казна получала отъ торговли,—вслѣдствіе оживленія торгово-промышленной предпріимчивости, какъ естественнаго результата уничтоженія монополій. Петръ III упразднилъ монополіи,—и Екатерина II подтвердила его распоряженіе, давъ цѣлый рядъ облегченій въ торговлѣ, въ интересахъ частной иниціативы и коммерческой свободы, съ обезпеченіемъ однако и непосредственной прибыли для казны отъ торговли такъ называемыми заповѣдными товарами [1]).

Ставленница петербургскаго привилегированнаго войска, гвардіи, состоявшей преимущественно изъ дворянъ, окруженная сановниками-дворянами, Екатерина при ея умѣ, не могла не понимать, какое значеніе имѣетъ въ Россіи дворянство, не могла не понимать, что именно этому классу суждена первенствующая роль и въ ея царствованіе; а потому могла ли она не отнестись отрицательно къ монополіямъ, замыкавшимъ всю экономическую жизнь страны въ тѣсныя оковы компанейскихъ конторъ? Конечно, не могла, ибо эти оковы, сдавливая всю русскую „коммерцію“, очень не подходили къ обладателямъ главнаго капитала страны, къ дворянскимъ рукамъ, стремившимся хозяйствовать безъ всякихъ стѣсненій во всей экономической области и подъ охраной собственно дворянскихъ привилегій.

Такъ коммерческій либерализмъ, отчасти усвоенный Екатериной, совпадалъ съ ея положеніемъ и положеніемъ дворянства въ Россіи, какъ главенствующаго сословія, и потому неудивительно, что Екатерина, при каждомъ удобномъ случаѣ, высказываетъ свое отрицательное отношеніе къ монополіямъ. Сохранилось слѣдующее замѣчаніе ея по поводу прошенія одного монополиста: „я видѣла оная

---

[1]) Н. Н. Өирсовъ, Правительство и общество въ ихъ отношеніяхъ къ внѣшней торговлѣ Россіи, 193 и 194.

прозба, и она отослана въ Сенатъ. Монополіи признани за вредни и не одинъ городъ разоренъ. Всѣ exclusions служитъ другимъ въ примѣръ, и много такихъ примѣръ будетъ, есть ли одному дадутъ. Впрочемъ я услышу сенатскія разсужденія. Гдѣ общество выгриваетъ, тутъ на партикулярный ущербъ не смотрютъ“ [1]).

Отношеніе Екатерины къ «вольности» дворянской.

Изъ всего сказаннаго ясно, что Екатерина должна была согласиться на „вольность“, дарованную дворянству Петромъ III, несмотря на то, что лично она была противъ необязательности дворянской службы; дѣло въ томъ, что дворянство, довольное вольностью въ отношеніи службы, не только не думало о возвращеніи къ прежнему порядку, но ждало, наоборотъ, освобожденія дворянъ отъ тѣлеснаго наказанія и отъ конфискацій имущества, о чемъ дворянство мечтало еще болѣе, чѣмъ о свободѣ отъ службы. Замедливъ съ утвержденіемъ манифеста 18-го февраля—о дворянской вольности, Екатерина вызвала этимъ ропотъ среди дворянства, а узнавъ о „роптаніи“, поспѣшила назначить комиссію о вольности дворянской. „Я запамятовала“, писала Екатерина Панину, „давича вамъ сказать что немного роптанія межъ дворянства о неконфирмаціи ихъ вольности, и надлежитъ о томъ не забыть приступъ сдѣлать“. Приступомъ и было назначеніе упомянутой комиссіи, которая должна была разсмотрѣть манифестъ (18 февраля) Петра III и „при распоряженіи правъ свободы дворянской учредить такія статьи“, которыя поощряли бы дворянское честолюбіе къ службѣ верховной власти и „любезному отечеству“. Манифестъ не былъ конфирмованъ, но онъ не былъ и отмѣненъ, а по общему смыслу „приступа“ могъ считаться принятымъ. Такъ и поняло дѣло само дворянство, да и лица, ему постороннія, наблюдавшія тогдашнія отношенія въ Россіи. „Три указа, изданные предшественникомъ“ (Петромъ III),

1) См. Соловьевъ, XXV, примѣч. 358 стр.

писалъ прусскій посланникъ своему королю, „важнѣйшіе изъ тѣхъ, которые онъ обнародовалъ, утверждены Екатериной: первый касается духовенства, второй о вольности дворянской, третій предоставляетъ купцамъ различныя льготы и вольности.“

И въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ Екатерина послѣдовала въ своей правительственной дѣятельности своему супругу. Такъ, для поправленія арміи Петръ III назначилъ комиссію: — воинскую комиссію учредила и Екатерина, вообще излюбивъ эту форму разработки важныхъ государственныхъ вопросовъ—чрезъ комиссію.

Отношеніе законодательства Екатерины въ первые годы царствованія къ законодательству ея супруга.

Итакъ, своею правительственною дѣятельностью въ первые годы своего царствованія по важнѣйшимъ государственнымъ вопросамъ, уже рѣшеннымъ на бумагѣ въ предшествующее царствованіе, Екатерина ничего по существу не вноситъ новаго, кромѣ дипломатическихъ оговорокъ и затягиванья, а по вопросу въ частности о церковныхъ вотчинахъ, утвердивъ въ концѣ концовъ секуляризацію, она въ инструкціи комиссіи о церковныхъ имѣніяхъ даетъ понять, что крѣпостной принципъ остается ненарушимымъ; это значило, что Екатерина боялась открыто въ соціальномъ вопросѣ, въ вопросѣ о крѣпостномъ правѣ, встать на сторону крестьянства даже на почвѣ церковныхъ владѣній. Ей и ея правительству нужны были эти послѣднія, а не свободные крестьяне.... Потому-то, можетъ быть, въ сознаніи народа секуляризація (въ смыслѣ освобожденія церковныхъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости) осталась связанной не съ ея именемъ, а съ именемъ Петра III.

V.

Неудовлетворительное состояніе народ-

Неудовлетворительное состояніе государственнаго хозяйства заставило Екатерину подумать и о народномъ. И это вполнѣ понятно: потребности государства

Императрица ЕКАТЕРИНА II,
въ формѣ Преображенскаго полка.
Портретъ худ. В. Эриксона, хранящійся въ Англійскомъ дворцѣ въ Петергофѣ.

и правящаго слоя были громадны и все возрастали, а народное хозяйство, обязанное удовлетворять эти потребности, было разстроено. На другой годъ, по воцареніи Екатерины, въ одной представленной ей анонимной запискѣ, вслѣдъ за вопросомъ, что нашла въ Россіи эта императрица при своемъ вступленіи на престолъ, набросана слѣдующая общая характеристика финансоваго и экономическаго положенія Россіи. Екатерина, по свидѣтельству автора, нашла „государственные доходы пребѣдные и въ крайнемъ безпорядкѣ; казну расхищенную и лишенную немалой части надежнѣйшихъ прибытковъ.... Разные доходы безъ всякой причины отданные партикулярнымъ людямъ, слабое управленіе. Никакой непосредственной коммерціи съ иностранными государствами; никакого учрежденія для развозу на Россійскихъ судахъ товаровъ; и внутреннюю коммерцію вездѣ связанную; народъ, и безъ того немногочисленный, войною еще болѣе уменьшенный; мануфактуры, вмѣсто того, чтобы въ большее совершенство приходить, въ прежнемъ незнаніи пребывающія; монеты одного званія, но различной внутренней доброты. Коммерцъ-коллегію и магистратъ, изъ незнающихъ людей составленные, и наконецъ дворянство, обремененное безполезною роскошью, а народъ, страдающій отъ притѣсненія и бѣдности за неимѣніемъ промысла и способовъ къ рукодѣяніямъ“. Эта картина, аналогичная той, которая впослѣдствіи была начертана самой Екатериной,—въ общемъ должна быть признана не расходящейся съ дѣйствительностью.

наго хозяйства.

Этою печальною дѣйствительностью и обусловливается энергичная дѣятельность Екатерины въ первые годы ея царствованія, направленная къ поднятію производительныхъ силъ Россіи, къ урегулированію ея экономическихъ отношеній. Будучи, какъ самодержавная императрица, поклонницей Петра Великаго, Екатерина полагала, что ея воля многое можетъ измѣнить въ русской экономической дѣйствительности: если не перестроить ее совершен-

Общій характеръ реформаторскаго настроенія Екатерины II.

но заново, то, по крайней мѣрѣ, оживить и сильнымъ толчкомъ принудить ее къ неуклонному прогрессированію. Стоитъ только государынѣ выбрать подходящихъ лицъ, составить изъ нихъ учрежденіе съ канцеляріей и дѣлопроизводителемъ, а для нихъ инструкцію о томъ, на что слѣдуетъ обратить вниманіе, со включеніемъ въ нее, въ качествѣ уступки времени, новыхъ экономическихъ идей, вызывающихъ обыкновенно преувеличенныя надежды,—и готово!.. Половина дѣла уже сдѣлана, а другая—дѣйствительное развитіе экономіи страны—разумѣется, не замедлитъ совершиться „подъ единственнымъ вѣдѣніемъ и покровительствомъ“ императрицы. Такимъ путемъ явилось (въ 1763 г.) учрежденіе, уже въ 3-й разъ со времени Петра Великаго установляемое,—„комиссія о коммерціи“, на этотъ разъ „при дворѣ Ея Величества“. Инструкція для комиссіи была составлена Тепловымъ, на котораго, какъ на свою правую руку въ экономическихъ дѣлахъ, императрица возложила „производство всего дѣла комиссіи о коммерціи“. Въ силу инструкціи, комиссія должна была трудиться: 1) „о умноженіи земледѣльцевъ, 2) о исправленіи искусства въ земледѣліи, 3) о коммерціи, какими средствами она бъ полезнѣе для народа и государства производиться можетъ“[1]). На первый планъ было поставлено развитіе земледѣлія, какъ основы народнаго хозяйства, что было данью новымъ экономическимъ вліяніямъ, вліянію того теченія экономической мысли, которое получило наименованіе физіократизма. Въ интересахъ земледѣлія была въ 1764 г. учреждена еще другая коммисія—о государственномъ межеваніи.

Комиссія о коммерціи.

Вопросами о „земледѣліи“ увлеклась Екатерина, и въ учрежденномъ ею въ 1765 году „Вольно-экономическомъ обществѣ“ они заняли доминирующее положеніе. Въ Россіи такое увлеченіе было тѣмъ болѣе естественнымъ, что 1) земледѣліе здѣсь было главнѣйшей формой, въ ко-

[1]) Архивъ департамента там. сборовъ, дѣла коммиссіи о коммерціи, № 860, св. 48, № 862, св. 48.

торую выливался трудъ ея населенія, что 2) землевладѣніе было естественною опорою дворянства для обладанія этимъ трудомъ и властью надъ населеніемъ и что 3) продуктами земледѣлія Россія, при посредствѣ иностранныхъ купцовъ, главнымъ образомъ, и оперировала на международномъ рынкѣ. Но какъ поднять земледѣліе въ Россіи? „Инструкція“, сообразно съ европейской теоріей, требуетъ „умноженія“ земледѣльцевъ и усовершенствованія агрикультуры. Вопросъ на бумагѣ рѣшался очень просто. Члены комиссіи о коммерціи, конечно, хорошо знали, какимъ путемъ обыкновенно „умножаются“ земледѣльцы въ жизни, но не въ ихъ волѣ было существенно ускорить естественный приростъ населенія; тогда обратились къ искусственной колонизаціи, уже практиковавшейся въ европейскихъ государствахъ; да и у насъ при Елизаветѣ начали вызывать въ Россію колонистовъ изъ-за границы, привлекая ихъ льготами и субсидіями, и селить ихъ въ наиболѣе, по мнѣнію правительства, нуждавшихся въ населеніи мѣстахъ—на Волгѣ, впослѣдствіи—въ Новороссіи и Крыму. При этомъ надѣялись, что колонисты-иностранцы, культивировавъ край, въ то же время покажутъ русскимъ образцы болѣе интенсивнаго и раціональнаго земледѣльческаго хозяйства. Всего колонистовъ было водворено около Саратова (1764—1773 г.г.) 5.549 семей, въ которыхъ числилось 15.838 д. м. п. и 15.092 д. женск. (обоего—30.930). А всѣхъ колонистовъ на Волгѣ было, по архивнымъ документамъ, — 69,393 души; издержано на нихъ было съ возвратомъ 3.555.852 р. 86 к., безъ возврата—2.026. 454 р. 14 к., а всего—5.682.307 р. (Шафрановъ, отзывъ о книгѣ Писаревскаго —„Изъ ист. иностр. колон.“, 1909 г., стр. 18 и 19). Земледѣльцы по мѣрѣ возможности „умножались“, а земледѣліе продолжало пребывать въ примитивномъ его состояніи.

Иностранные колонисты въ Россіи.

Теорія, созданная на другой почвѣ, гдѣ уже не было крѣпостного труда, обѣщавшая всякое преуспѣяніе отъ

Теорія и дѣйствительность.

развитія земледѣлія и потому интересная для землевладѣльческаго общества, въ рукахъ императрицы и ея слугъ служила также какъ бы для отвода глазъ отъ крѣпостного права; о послѣднемъ обыкновенно умалчивалось, какъ будто бы его и не было въ Россіи — вся бѣда-де отъ того, что земледѣльцевъ мало и что работаютъ они вяло и неумѣло, по старинѣ, и на это-де и надо обратить вниманіе. И вниманіе обращалось именно въ указанномъ „комиссіи о коммерціи“ направленіи; неудивительно, что отсюда ничего серьезнаго не выходило ни для „земледѣльцевъ“, ни для земледѣлія въ Россіи.

Всѣ эти указанія теоретическаго характера о необходимости развивать земледѣліе чрезъ „умноженіе“ народа и чрезъ улучшеніе пріемовъ обработки земли имѣли въ сущности такъ же мало значенія для прогресса нашей экономической жизни, какъ и гораздо болѣе обширныя указанія знаменитаго „Наказа“ Екатерины для насажденія въ этой жизни права и законности. Усердно исправляя свой „Наказъ“, императрица въ сущности работала не для Россіи, не для ея представителей, имѣющихъ быть созванными въ самую большую изъ Екатерининскихъ комиссій, а для европейской передовой публики. Эта публика не нуждалась въ „Наказѣ“ Екатерины, потому что его идеи были извѣстны ей прямо изъ тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ русская императрица ихъ заимствовала; тѣмъ менѣе нуждались въ немъ самые первые ряды этой публики, ибо идеи „Наказа“ были ихъ идеями; но и вся передовая публика Европы и особенно вожди ея были нужны для Екатерины, которая, какъ отмѣчено выше, именно на нихъ разсчитывала, какъ на руководителей общественнаго мнѣнія въ Европѣ. Личное тщеславіе влекло ее къ пріобрѣтенію славы мудрой, исполненной самыхъ просвѣтительныхъ и освободительныхъ, въ духѣ философіи вѣка, намѣреній по отношенію къ управляемому народу, законодательницы. Сверхъ того, возможно, что, зайскивая у передовой интеллигенціи Евро-

Отношеніе «Наказа» къ европейской репутаціи Екатерины II и къ русской жизни.

ны, Екатерина руководствовалась и практическими соображеніями... Зная подражательнось русскаго общества, она понимала, что европейское мнѣніе будетъ и его мнѣніемъ, къ которому, при ея положеніи на тронѣ, она не могла относиться равнодушно. Во всякомъ случаѣ вышло именно такъ, если Екатерина даже и не имѣла практическихъ расчетовъ, а увлекалась только идеалистическими стремленіями, въ чемъ позволительно сомнѣваться. Вольтеръ и д'Аламберъ съ компаніей настолько прочно установили репутацію Екатерины, какъ необыкновенной, „великой“ монархини, благодѣтельницы своего народа, что въ верхнихъ слояхъ русскаго общества прославленіе Екатерины II за ея невиданный либерализмъ на долго сдѣлалось общимъ мѣстомъ, и въ русской исторической литературѣ въ теченіе цѣлаго вѣка послѣ нея повторялся, какъ стереотипъ, вмѣсто исторіи ея царствованія, панегирикъ ея мудрости и гуманности. Этой славѣ Екатерины сильно посодѣйствовало и то обстоятельство, что ея „Наказъ“ былъ сожженъ въ королевской Франціи рукою правительственнаго палача, а что-де Екатерина не усумнилась сообщить такую опасную вещь представителямъ народа, созваннымъ для составленія проекта новыхъ законовъ. Въ Россіи не поняли, что это было самымъ вѣскимъ доказательствомъ, что „Наказъ“ былъ невиннѣйшимъ твореніемъ для Россіи. Малокультурная, грубая русская дѣйствительность почти не замѣчала тѣхъ язвъ, на которыя нападалъ „Наказъ“; онѣ для нея были мало чувствительны, способы излеченія отъ нихъ непонятны, а широкія перспективы иной, на началахъ гуманности и права, жизни, пріоткрываемыя въ „Наказѣ“, казались чудными сказками, которыя пріятно послушать, но по поводу которыхъ не приходится очень волноваться. У русскаго общества, т. е. у высшихъ классовъ народа, были свои перспективы, много проще, и если оно, за исключеніемъ единичныхъ идеалистовъ изъ верхняго слоя, не замѣчало на государственномъ организмѣ страны та-

кой гигантской язвы, какъ крѣпостное право, то могло ли оно оцѣнить революціонность указаній императрицы на такія язвы жизни, какъ жестокость законовъ, религіозная нетерпимость, пытка, смертная казнь. Лишь въ глазахъ нѣкоторыхъ немногихъ членовъ русскаго общества это были язвы, а по понятіямъ громаднаго большинства это былъ обычный, давно установленный и потому необходимый порядокъ жизни, относительно справедливости котораго у большинства не возникало и сомнѣнія; такимъ образомъ не опасно было предъ лицомъ русскаго общества той эпохи наводить критику на сейчасъ отмѣченныя явленія: это было такъ же безцѣльно, какъ напр., человѣку, вѣрующему въ трехъ китовъ, какъ основаніе міра, сообщать математическія соображенія и выкладки Ньютона. Затронутыя несовершенства жизни и законодательства были чувствительны во Франціи, тамъ они вошли уже въ сознаніе общества, и потому понятно отрицательное отношеніе къ Наказу французскаго королевскаго правительства; указанія Екатерины, скомбинированныя по иностраннымъ книжкамъ, бывшимъ продуктомъ иного жизненнаго строя, иного самосознанія, бередили чужія, французскія язвы.

VI.

Давъ чрезъ склоненныя съ умиленіемъ головы своихъ депутатовъ урокъ Европѣ, урокъ истинно-просвѣщеннаго и гуманнаго правленія, и нечаянно при этомъ наступивъ на больныя ноги королевской Франціи, Екатерина все-таки не оставила въ своемъ „Наказѣ“ подлиннымъ, а не фальшивымъ вниманіемъ и своихъ подданныхъ. И для нихъ въ „Наказѣ“ нашлись пункты, вполнѣ понятные, которые они должны были крѣпко усвоить во избѣжаніе дальнѣйшихъ недоразумѣній.

Таковы „пункты“ о верховной власти въ Россіи. Ека-

терина объявляетъ самодержавіе единственно пригодной для Россіи формой правленія, только самодержавіе соотвѣтствуетъ „пространству толь великаго государства“. („Наказъ“, изд. 1893 г. Пантелеева, гл. II пункт. 9 и 10) „Всякое другое правленіе, говоритъ Екатерина, не только было бы Россіи вредно, но и въ конецъ разорительно“ (пункт. 11). Чтобы подданнымъ было еще понятнѣе предпочтеніе, оказанное Екатериной этой формѣ верховной власти, „Наказъ“ ссылается на то популярное въ русскомъ обществѣ мнѣніе, что лучше служить одному господину, чѣмъ многимъ, видоизмѣняя это мнѣніе слѣдующимъ образомъ: „лучше повиноваться законамъ подъ однимъ господиномъ, нежели угождать многимъ“ („Наказъ“, II, 12), и тѣмъ самымъ допуская очевидную подтасовку понятій. Тотъ пунктъ, который оставлялъ смертную казнь для того „гражданина“, который, будучи заключеннымъ, все-таки можетъ возмутить народное спокойствіе“ (гл. X, статья 210, стр. 73), т. е. иначе говоря, за политическія преступленія (послѣ того, какъ Елизаветой всякая смертная казнь была пріостановлена указомъ и фактически отмѣнена),—конечно, тоже имѣлъ не формальное, а реальное значеніе.

Такова сущность истиннаго политическаго нравоученія, преподаннаго Екатериной уже не Европѣ, а Россіи. Краеугольнымъ камнемъ тогдашней соціально-экономической жизни, какъ извѣстно, было крѣпостное право: „Наказъ“ оставляетъ этотъ институтъ неприкосновеннымъ, высказываясь лишь противъ его „злоупотребленій“ и предостерегая отъ опасности, которая „отъ того можетъ произойти“. Высказалась императрица и противъ такихъ помѣщичьихъ поборовъ, которые принуждаютъ крестьянъ уходить на дальніе заработки и „бродить по всему почти государству“. Свое желаніе урегулировать помѣщичьи поборы Екатерина мотивировала заботой о развитіи земледѣлія и объ увеличеніи населенія. Нетрудно видѣть,

что въ этомъ случаѣ она заботилась въ сущности объ интересахъ того же землевладѣльческаго класса, объ его феодализаціи и о государственномъ порядкѣ, который не могъ казаться ей прочнымъ при развитіи бродяжности въ сельскомъ населеніи, дѣлавшей его и смышленнѣе, и менѣе забитымъ, и не столь терпѣливымъ, болѣе городскимъ, чѣмъ сельскимъ. Вотъ эти пункты (Нак. XII, ст. 270 и 271, стр. 93): „Весьма бы нужно было предписать помѣщикамъ закономъ, чтобъ они съ большимъ разсмотрѣніемъ располагали свои поборы, и тѣ бы поборы брали, которые менѣе мужика отлучаютъ отъ его дома и семейства: тѣмъ бы распространилось больше земледѣліе и число бы народа въ государствѣ умножилось. А нынѣ иной земледѣлецъ лѣтъ пятнадцать дома своего не видитъ и промышляя въ отдаленныхъ отъ своего дома городахъ, бродя по всему почти государству“. Эти именно „идеи“ Наказа, а не какія-либо имъ противоположныя, на самомъ дѣлѣ и должны были сообщить работамъ комиссіи настоящее реальное направленіе. Онѣ, какъ видно, вполнѣ соотвѣтствовали наличной при Екатеринѣ ситуаціи и въ политической и въ соціальной сферѣ. Всѣ же такъ называемыя гуманныя „идеи“, всѣ эти многонашумѣвшія тирады, взятыя у государствовѣда Монтескье и криминалиста Беккаріа, почти безъ измѣненія ихъ текста, никакого серьезнаго отношенія къ реальному положенію вещей и въ тотъ моментъ и въ послѣдующее время екатерининскаго царствованія не имѣли, и потому имъ мѣсто скорѣе въ исторіи политической литературы, нежели въ политико-соціальной исторіи. Для русской жизни той эпохи всѣ гуманныя разсужденія Екатерины были трескучимъ публицистическимъ фейерверкомъ, засверкавшимъ чуждымъ Россіи театральнымъ свѣтомъ: онъ минуту поблестѣлъ и потухъ, никого въ Россіи не согрѣвъ и ничего толкомъ даже не освѣтивъ, кромѣ личнаго тщеславія творца всего предпріятія. Лучшую характеристику „На-

Императрица ЕКАТЕРИНА II.

Портретъ худ. В. Эриксона, хранящійся въ Романовской галлереѣ.

каза“ дала сама императрица въ письмѣ къ умному человѣку, котораго нельзя было провести и къ остроумію котораго Екатерина не относилась безразлично. Вручивъ прусскому посланнику Сольмсу нѣмецкій переводъ „Наказа“ для пересылки Фридриху, Екатерина, какъ бы предупреждая могущія быть ѣдкія замѣчанія короля, писала ему: „Ваше Величество не найдетъ тамъ ничего новаго, ничего неизвѣстнаго для себя; вы увидите, что я поступила, какъ ворона въ баснѣ, сдѣлавшая себѣ платье изъ павлиныхъ перьевъ“.

VII.

Но въ письмахъ къ другимъ лицамъ и впослѣдствіи въ своей „запискѣ на Россійскомъ языкѣ“ Екатерина болѣе серьезно смотрѣла на свое предпріятіе. Въ письмѣ къ г-жѣ Жоффренъ, прося ее сообщить д'Аламберу, что она скоро пришлетъ ему „тетрадку“, императрица заявляетъ: „Я надѣюсь, что онъ ею останется доволенъ, хотя она написана неопытнымъ перомъ, но я отвѣчаю за исполненіе на практикѣ“. И въ другой разъ тому же корреспонденту для передачи д'Аламберу Екатерина высказалась въ томъ смыслѣ, что она „съ удовольствіемъ“ пожертвовала бы самолюбіемъ, „однако съ условіемъ, чтобы ея тетрадка достигла своей цѣли, т. е. доставила бы жителямъ Россіи положеніе самое счастливое, самое спокойное, самое выгодное“. Въ письмѣ къ самому д'Аламберу, сообщая, что она собирается послать ему тетрадку матеріаловъ для составленія „Наказа“, Екатерина, между прочимъ, писала: „изъ нея вы увидите, какъ тамъ я на пользу моей имперіи обобрала президента Монтескье, не называя его“.

Когда „Наказъ“ былъ готовъ, Екатерина написала д'Аламберу: „я зачеркнула, разорвала и сожгла больше

половины, и Богъ вѣсть, что станется съ остальнымъ". Этимъ заявленіемъ и другими подобными русская самодержавная императрица даетъ европейской публикѣ чрезъ своихъ корреспондентовъ понять, что она гораздо либеральнѣе, чѣмъ то, что осталось въ „Наказѣ" послѣ цензуры (чрезъ которую, впрочемъ, „Наказъ" прошелъ по ея же собственному желанію), что она вынуждена была сдѣлать значительныя уступки окружающимъ ее вліятельнымъ лицамъ, несогласнымъ съ ея великими замыслами. Екатерина и впослѣдствіи думала, что ея работа до цензуры носила прямо революціонный характеръ. Разсказавъ въ своей „запискѣ" о томъ, какъ подъ вліяніемъ сенатскихъ разсужденій и частныхъ разговоровъ зародилась у нея самая мысль устранить противорѣчія въ законахъ, явившіяся вслѣдствіе изданія ихъ въ разное время, и привести законодательство въ лучшій порядокъ, разсказавъ и о томъ, какъ она, ради осуществленія этой мысли, принялась усердно читать и писать, „послѣдуя единственно уму и сердцу своему", дабы составить въ интересахъ всеобщаго въ Имперіи „благополучія" политико-юридич. руководство для своихъ подданныхъ,—Екатерина далѣе вспоминаетъ, что когда черезъ 2 года работы она стала показывать ее „по частямъ" разнымъ людямъ, то гр. Орловъ былъ отъ нея въ безпредѣльномъ восторгѣ, а гр. Панинъ сказалъ: „Ce sont des axiomes à renverser des murailles". Чтобы не произошло, въ самомъ дѣлѣ, отъ опасныхъ истинъ ниспроверженія основъ, Екатерина рѣшила произвести этимъ „аксіомамъ" генеральный смотръ и, какъ сторонница комиссіоннаго способа разсмотрѣнія дѣлъ, передала составленный ею „Наказъ" въ особую придворную комиссію, составленную ею изъ вельможъ разнаго образа мыслей, „вельми разномыслящихъ", по выраженію императрицы, и „дала,—говоритъ она,—имъ волю чернить и вымарать все, что хотѣли". „Они",—свидѣтельствуетъ Екатерина,—болѣе половины того, что на-

писано мною было, помарали, и остался Наказъ Уложенія, яко напечатанъ“[1]).

Можно думать, что Екатерина сильно преувеличила количество вымараннаго. По крайней мѣрѣ то, что извѣстно о сохранившихся черновыхъ „Наказа“ и что напечатано въ отрывкахъ изъ его первоначальной редакціи, приводитъ скорѣе къ заключенію, что и до цензуры ничего особенно страшнаго въ „Наказѣ“ не было, что, напр., вопросъ о крѣпостномъ правѣ и въ безцензурной редакціи затрагивался весьма умѣренно и по отношенію къ Россіи достаточно глухо: „великое злоупотребленіе есть, когда оно въ одно время и личное и существенное“ (личное и земельное прикрѣпленіе); помимо ссылокъ на крѣпостное и рабское состояніе у германцевъ, римлянъ, грековъ, вотъ въ какомъ выраженіи и прямо было высказанно осужденіе крѣпостного права въ „Наказѣ“, не пересмотрѣнномъ, вотъ какого рода замѣчаній боялись, какъ возможныхъ сокрушителей „стѣнъ“. На напечатанный „Наказъ Уложенія“ императрица повелѣла взирать не какъ на законъ, а какъ на правила, „на которыхъ основать можно мнѣніе“. Верховная власть Россіи пожелала, какъ во времена Уложенія царя Алексѣя Михайловича, узнать „мнѣніе“ своихъ подданныхъ по кардинальному вопросу государственной и общественной жизни, по вопросу о новомъ кодексѣ законовъ (о которомъ уже хлопотали Петръ I и Елизавета), иначе, о внутреннемъ распорядкѣ, о томъ, что издавна считалось второю, послѣ государственной обороны, обязанностью государя. Слѣдовательно, подданные приглашались принять участіе, въ качествѣ совѣщательнаго элемента, въ одной изъ двухъ важнѣйшихъ сферъ дѣятельности верховной власти. Зрѣлище было тѣмъ неожиданнѣе, что московскіе земскіе соборы были хорошо забыты русскимъ обществомъ. Это зрѣ-

[1]) Сочиненія Екатерины II, 12 томъ, 2-й полут., 524.

лище не могло пройти незамѣченнымъ въ Европѣ, вообще говоря, отвыкшей отъ подобныхъ обращеній къ народу. Но въ этой „Комиссіи депутатовъ“, какъ Екатерина назвала законосовѣщательное собраніе представителей народа для составленія Новаго Уложенія, былъ существенный пробѣлъ: въ ней не было представителей отъ главной массы народа, отъ крѣпостного крестьянства, не имѣвшаго правъ не только гражданина, но и человѣка. Даже въ либеральномъ „Наказѣ“ Екатерины крѣпостной фигурируетъ подъ именемъ „раба“. Въ качествѣ такового онъ вычеркивался изъ общественной и государственной жизни Россіи, ему не нашлось мѣста и среди представителей народа въ законосовѣщательномъ учрежденіи, все равно какъ кровному интересу этого „раба“ въ сущности не нашлось мѣста и въ нашумѣвшей на весь міръ знаменитой екатерининской компиляціи. Получалось не только необыкновенное, но и довольно жалкое зрѣлище: въ комиссіи депутатовъ отъ народа не было тѣхъ, которые были бы представителями большинства, наиболѣе нуждавшагося въ лучшихъ и гуманныхъ законахъ... И потому Екатерина, пожелавшая узнать мнѣніе народа, въ комиссіи депутатовъ узнала „мнѣнія“ дворянъ, купцовъ, черносотныхъ и ясашныхъ крестьянъ, казаковъ и проч., но не узнала мнѣнія, не услышала „голоса“ большинства народа...

VIII.

Комиссія депутатовъ для составленія проекта Новаго Уложенія (1767 г.)

Комиссія, созванная для составленія проекта Новаго Уложенія, не составила Новаго Уложенія, но она открыла взору историческаго наблюдателя цѣлый рядъ реальныхъ явленій, имѣющихъ серьезное соціологопсихологическое значеніе. Комиссія сыграла роль увеличительнаго стекла, черезъ которое отчетливо можно видѣть положеніе въ государствѣ дворянства и другихъ классовъ, политическія и соціальныя отношенія всѣхъ об-

щественныхъ элементовъ, привлеченныхъ правительствомъ въ лицѣ своихъ представителей къ участію въ обсужденіи законодательныхъ предположеній.

Комиссія, не успѣвъ составить „Уложеніе“, успѣла оставить замѣтный слѣдъ своихъ сословныхъ стремленій и чувствъ, по которому правительство и пришло къ своимъ позднѣйшимъ реформамъ. То обстоятельство, что комиссія была закрыта задолго до окончанія ея работъ, является тоже весьма характернымъ и прекрасно дорисовываетъ политическую и соціальную ситуацію момента. Все это заставляетъ повнимательнѣе приглядѣться къ созыву комиссіи и къ тѣмъ главнѣйшимъ сословнымъ желаніямъ и требованіямъ, которыя въ ней выяснились, представивъ ихъ хотя бы въ самомъ общемъ видѣ.

Сложный вопросъ о созывѣ комиссіи, объ ея составѣ, организаціи выборовъ, о положеніи депутатовъ былъ предварительно разработанъ въ проектѣ, въ точности неизвѣстно кѣмъ изъ окружающихъ Екатерину составленномъ, повидимому, генералъ-прокуроромъ кн. Вяземскимъ, но только не самой императрицей; Екатерина этотъ проектъ лишь разсмотрѣла и сдѣлала въ немъ нѣкоторыя измѣненія, иногда и весьма существенныя. Въ проектѣ рельефно выступаетъ то значеніе, которое имѣло въ политической и соціальной жизни дворянство. Это видно особенно изъ довольно прозаическаго вычисленія, какія житейскія потребности депутатовъ разныхъ группъ должно удовлетворять опредѣляемое правительствомъ депутатское жалованье. Дворянскому депутату назначалось 400 рублей въ годъ; эта сумма явилась итогомъ вычисленныхъ годовыхъ расходовъ дворянскаго депутата для удовлетворенія признанныхъ дворянскихъ потребностей. Расходы, предстоявшіе дворянскому депутату въ столицѣ, могли быть, по мнѣнію проекта, слѣдующіе: надо, конечно, имѣть кровъ, и на квартиру опредѣлялось 36 руб., на ея отопленіе 10 руб. и на освѣщеніе 5 рубл.; надо было пить,

ѣсть, и на столъ опредѣлось 70 рублей, на чай и сахаръ 20 р.; одѣться надо было прилично дворянину—на платье опредѣлялось 25 руб., на обувь 5 р. и на стирку бѣлья 5 рубл.; дворянинъ не могъ быть безъ прислуги; у него она была крѣпостная, на содержаніе ея опредѣлено было 36 рубл.; но самая дорогая дворянская потребность, безъ которой нельзя было представить себѣ дворянина, это разъѣзды по улицамъ столицы, и на наемъ пары лошадей, при собственныхъ каретѣ и кучерѣ, было назначено 180 рубл.—едва не половина всего дворянско-депутатскаго жалованья.

Потребности купеческаго депутата, по представленію правительственныхъ круговъ, должны быть много скромнѣе,—и на удовлетвореніе ихъ назначалось въ годъ 120 р. Онъ могъ и не пѣшкомъ ходить, но на лошадь ему предназначалось всего 12 рубл., въ 15 разъ меньше, чѣмъ дворянину; на столъ 36 руб., но на квартиру 24 руб., на платье 20 р., на обувь 4 р., на дрова и свѣчи 12 р., въ чаѣ и сахарѣ ему отказывалось, хотя не отказывалось въ человѣкѣ, на содержаніе котораго опредѣлялось 2 р., и въ чисткѣ бѣлья, на что было положено 2 рубля.

Депутатъ однодворецъ, половникъ, казакъ, черносошный и ясашный крестьянинъ долженъ быть еще скромнѣе, и на всѣ его потребности назначалось 37 рубл. въ годъ. Само собой разумѣется, такой депутатъ не могъ разсчитывать на чай и сахаръ, на прислугу, но за нимъ признавались и большія добродѣтели: на свѣчи ему опредѣлялось всего 1 р., на дрова совсѣмъ ничего не опредѣлялось, равно какъ и на мытье бѣлья; на квартиру ему назначалось 6 р., на столъ 12 р., на одежду—на шубу, кафтанъ, шапку и рукавицы—6 рубл., на сапоги—2 р.; сверхъ того, и онъ не былъ лишенъ права на содержаніе лошади, вѣроятно, той, на коей пріѣдетъ въ Москву: на эту статью опредѣлялось 10 руб.

Общіе итоги этихъ расходовъ были признаны и Екатериной и вошли въ указъ 14 декабря (1766 г.), лишь съ увеличеніемъ жалованья купеческому депутату всего на 2 руб. въ годъ; значитъ, тѣмъ самымъ были признаны и слагаемыя, изъ коихъ получились эти общія суммы. Уже изъ даннаго перечня бюджетовъ— дворянскаго, купеческаго и остальныхъ группъ, допущенныхъ къ законодательному совѣщанію, отчетливо видно, что это совѣщаніе, по намѣренью правительства, должно быть строго сословнымъ, съ властнымъ положеніемъ въ немъ дворянства и съ признаніемъ въ немъ извѣстнаго значенія за городской буржуазіей. Повторилось подобное тому, что выяснилось болѣе чѣмъ за сто лѣтъ предъ тѣмъ на земскомъ соборѣ 1648-49 г. объ Уложеніи Ал. Мих., съ тою только разницею, что теперь призывались и представители свободнаго сельскаго населенія, которыхъ не было на упомянутомъ земскомъ соборѣ.

Разсматриваемымъ проектомъ только эти два сословія, дворянское и городское, выдѣлены въ особыя самостоятельныя группы при подсчетѣ статей бюджета ихъ депутатовъ, а остальныя группы смѣшаны въ общую толпу простой черни, заранѣе осужденной сыграть въ комиссіи служебную роль того декоративнаго „народа“, который своимъ присутствіемъ даетъ эффектный фонъ совѣщанію, но который въ то же время долженъ знать свое настоящее мѣсто и не думать, что онъ на самомъ дѣлѣ имѣетъ равныя права предъ лицомъ верховной власти съ выше его стоящими въ политической и экономической жизни классами. Такимъ образомъ обзоръ дворянско-депутатскаго, купеческо-депутатскаго и черно-депутатскаго бюджетовъ даетъ намъ возможность намѣтить тотъ выводъ, что въ составѣ ея были представлены въ сущности три соціальныхъ элемента: дворянство, купечество и пестрая масса, съ бытовой точки зрѣнія не подвергшаяся дифференціаціи въ сознаніи правительства, масса той части

„подлаго“ народа, которая осталась за вычетомъ его бо̀льшей части,—крѣпостного крестьянства.

IX.

Что только дворянство и купечество стояли предъ умственнымъ взоромъ правительства на первомъ планѣ въ предпринятомъ имъ составленіи законовъ, видно изъ того обстоятельства, что лишь эти два сословія были сравнены въ порядкѣ выборовъ отъ нихъ депутатовъ; для того и другого сословія были установлены прямые одностепенные выборы, для первыхъ подъ руководствомъ выбранныхъ для этого предводителей дворянства, для вторыхъ подъ руководствомъ тоже выбранныхъ для этого городскихъ головъ. Для всѣхъ остальныхъ разрядовъ населенія, кромѣ иновѣрцевъ и казаковъ, были установлены трехстепенные выборы: сначала избирались „погостные“ или соотвѣтствующіе таковымъ представители, они съѣзжались въ уѣздный городъ и здѣсь изъ своей среды избирали представителя въ губернское избирательное собраніе (изъ уѣздныхъ представителей), которое и выбирало депутата отъ провинціи. Иновѣрцамъ, а равно и казакамъ было предоставлено право выбирать депутатовъ сообразно съ ихъ обычаями. Незамѣтно въ указѣ 14-го декабря пристальнаго, серьезнаго вниманія къ этимъ группамъ, особенно къ казакамъ, о порядкѣ выборовъ отъ коихъ не сказано въ указѣ ничего, и мы догадываемся о приравненіи казаковъ къ иновѣрцамъ только потому, что въ сообщеніи порядка выборовъ отъ иновѣрцевъ брошена фраза о томъ же порядкѣ выборовъ „для тѣхъ, для которыхъ обрядъ выборовъ не присланъ“. Это—тѣ, которыхъ можно назвать пасынками комиссіи.

Такова была фактическая группировка съ точки зрѣнія сравнительнаго значенія, какое имѣли общественные слои въ глазахъ правительства.

Императрица ЕКАТЕРИНА II.

Портретъ худ. І. Б. Ламми.

X.

Но, разумѣется, правительство при опредѣленіи состава комиссіи Новаго Уложенія должно было руководствоваться юридической группировкой населенія, существовавшей въ то время въ Россіи. Кромѣ того, при великомъ значеніи въ Россіи администраціи—центральной и мѣстной—Екатерина II разсчитывала на полезныя указанія и съ этой стороны: послѣднія могли послужить извѣстнымъ коррективомъ къ тѣмъ сословнымъ указаніямъ, которыя были не въ интересахъ правительства. Поэтому въ составъ комиссіи въ первую голову были включены представители отъ государственныхъ учрежденій, не исключая и святѣйшаго синода, а также были приглашаемы и губернаторы, случавшіеся тогда въ Москвѣ. Затѣмъ представительство въ комиссіи было установлено для 1) дворянъ, 2) горожанъ, 3) однодворцевъ, 4) пахотныхъ солдатъ и разныхъ службъ служилыхъ людей, 5) государственныхъ черносошныхъ и ясачныхъ крестьянъ, 6) осѣдлыхъ инородцевъ, какъ крещеныхъ, такъ и некрещеныхъ, 7) казаковъ, въ томъ числѣ войска запорожскаго. По проекту число всѣхъ депутатовъ выходило почти втрое больше, чѣмъ оно получилось въ дѣйствительности на основаніи обнародованнаго указа. Такъ, напр., отъ уѣздовъ, гдѣ дворянъ много (1200 и болѣе чел.) проектировалось по 4 депутата и не менѣе 2-хъ во всякомъ случаѣ, если дворянъ въ уѣздѣ мало; отъ большихъ городовъ, среди которыхъ мы видимъ Вологду, Смоленскъ, Вязьму, Псковъ, Торопецъ, проектировалось имѣть въ комиссіи 4 депутата, отъ остальныхъ по 2. Отъ всѣхъ остальныхъ группъ по 2 депутата отъ каждой группы для однодворцевъ, служилыхъ людей, черносошныхъ и ясачныхъ крестьянъ отъ каждой провинціи, для инородцевъ по 2 для каждаго народа отъ губерніи, для казаковъ—отъ каждаго войска. По указу же отъ всѣхъ группъ населенія, кромѣ казаковъ, опредѣлено послать

въ комиссію по одному депутату отъ каждаго уѣзда, города, провинціи, для инородцевъ отъ каждаго народа изъ губерніи; что же касается казаковъ, то опредѣлить число депутатовъ отъ этого разряда населенія въ указѣ было возложено на обязанность мѣстной администраціи. Сверхъ того, тѣмъ же правительственнымъ указомъ уѣздамъ, въ которыхъ мало дворянъ, и малолюднымъ городамъ позволено было отказываться отъ права представительства отъ нихъ въ комиссіи Новаго Уложенія. Такимъ образомъ, вмѣсто свыше 1500 депутатовъ по первоначальному проекту, въ комиссію съѣхалось нѣсколько болѣе 550 депутатовъ. Это представительство было неполнымъ и по своему соціальному составу.

Какъ уже отмѣчалось раньше, отсутствовало представительство отъ крѣпостного крестьянства, въ число котораго были включены дворцовые и экономическіе крестьяне, помѣщиками коихъ были для первыхъ—царская семья, управлявшая своими имѣніями чрезъ дворцовую канцелярію, для вторыхъ формально—церковныя учрежденія (монастыри и др.), а реально—коллегія экономіи... Почему устранялись отъ представительства эти крестьяне,—объяснено въ проектѣ организаціи комиссіи Уложенія; значитъ, мысль о нихъ невольно возникла при обсужденіи вопроса о составѣ комиссіи, но эта естественная мысль была въ помѣщичьемъ государствѣ неосуществима и діалектически она легко опровергалась тѣмъ именно аргументомъ, который приведенъ и въ проектѣ: „о благѣ“ этихъ крестьянъ „долженствуютъ“ „пещись“ помѣщики. Затѣмъ, въ комиссіи не было представительства отъ кочевого инородческаго населенія; слѣдовательно, не говоря о кочевникахъ Европейской Россіи, въ комиссіи отсутствовало представительство инородческаго населенія Сибири. Наконецъ, въ комиссіи не было представлено въ качествѣ сословія духовенство, ибо представительство отъ синода, отъ государственнаго учрежденія, конечно, нельзя раз-

сматривать, какъ сословное представительство духовенства.

Въ благопріятныхъ для правительства сословныхъ чувствахъ православнаго чернаго духовенства Екатерина, вѣроятно, не была увѣрена вскорѣ послѣ секуляризаціи, и понятно поэтому ея нежеланіе столкнуться съ выраженіемъ этихъ чувствъ, а также и вытекавшихъ изъ нихъ желаній въ задуманномъ законодательномъ предпріятіи; послѣдствіемъ же этого и явилось отрицательное рѣшеніе вопроса касательно представительства въ комиссіи отъ всего духовенства; ибо невозможно было, исключивъ представительство чернаго духовенства, оставить представительство бѣлаго. Такъ изъ состава комиссіи оказались вычеркнутыми и тѣ, которые содержали своимъ крѣпостнымъ трудомъ высшіе классы и правительство, и тѣ, которые были лишены верховною властью пользованія тѣмъ же самымъ крѣпостнымъ трудомъ, были лишены и потому, разумѣется, были озлоблены.

XI.

Комиссія Новаго Уложенія была открыта въ Москвѣ съ большою торжественностью. Къ концу іюля 1767 г. депутатовъ въ древнюю столицу съѣхалось около 460 чел. 30 іюля они парами съ генералъ-прокуроромъ во главѣ, несшимъ маршальскій жезлъ, изъ Чудова монастыря, ихъ сборнаго мѣста предъ церемоніей, открыли шествіе въ Успенскій соборъ, куда предъ тѣмъ прибыла императрица. Къ собору она пріѣхала на восьми лошадяхъ, вслѣдъ за 16-ю каретами придворныхъ и въ сопровожденіи взвода кавалергардовъ подъ начальствомъ гр. Гр. Орлова. Карета съ наслѣдникомъ престола, великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ, замыкала этотъ кортежъ. Шествіе депутатовъ парами подъ начальствомъ генералъ-прокурора на молебствіе въ Успенскій соборъ давало наглядную, хотя и неполную, картину тогдашней офиціальной и сословной Россіи: впереди

шли представители отъ государственныхъ учрежденій, потомъ отъ дворянства, далѣе отъ городовъ, отъ однодворцевъ, отъ служилыхъ людей старыхъ службъ, и шествіе замыкалось представителями отъ крестьянъ. Не всѣ, конечно, вошли въ храмъ, инородцы остались снаружи. Послѣ богослуженія и принятія присяги депутаты были приняты императрицей во дворцѣ. Екатерина сидѣла на тронѣ, по правую сторону котораго стоялъ столъ, а на столѣ, покрытомъ краснымъ сукномъ, лежали два „Наказа“ комиссіи,—Екатерининъ и генералъ-прокурорскій, а также инструкція управленія комиссіей. Депутаты были представлены Екатеринѣ генералъ-прокуроромъ кн. Вяземскимъ, а новгородскій митрополитъ Дмитрій Сѣченовъ сказалъ ей рѣчь, въ которой не только указалъ на связь законодательной миссіи Екатерины съ таковой же Юстиніана, но лишній разъ подчеркнулъ то обстоятельство, что „право законодательства“ „препоручено Екатеринѣ“ „отъ Того, Который и настоящая потребно правитъ и будущая полезно устрояетъ“. Затѣмъ вице-канцлеръ говорилъ рѣчь уже депутатамъ, приглашая ихъ „начать великое дѣло“ и указывая имъ, что отъ нихъ „ожидаютъ примѣра всѣ подсолнечные народы“. „Слава“,—говорилъ вице-канцлеръ, „въ вашихъ рукахъ и путь къ оной вамъ открытъ“.

На слѣдующій день (31-го іюля) депутаты, въ количествѣ 428 чел., собрались къ Грановитой палатѣ и начали выбирать маршала комиссіи—предсѣдателя. Избирательное число голосовъ получили 4 ч.; за отказомъ двухъ изъ нихъ—братьевъ Орловыхъ, Ивана и Григорія, остались еще двое—гр. Захаръ Чернышевъ и Александръ Ильичъ Бибиковъ. Екатерина рѣшила вопросъ въ пользу послѣдняго. Когда комиссія получила маршала, а онъ отъ генералъ-прокурора—маршальскій жезлъ, было приступлено къ чтенію „Наказа“ Екатерины, которое и продолжалось въ теченіе нѣсколькихъ засѣданій. Какъ сообщаетъ дневная официальная записка, Наказъ былъ выслу-

шанъ съ восторгомъ, и многіе депутаты во время чтенія его плакали. Затѣмъ, прежде чѣмъ перейти къ добыванію „славы“ для себя, депутаты рѣшили доставить ее императрицѣ, которая такое благодѣяніе оказываетъ „своимъ подданнымъ“ и служитъ примѣромъ „всѣмъ монархамъ“. По обсужденіи, Екатеринѣ и было предложено принять титулъ „премудрой и великой матери отечества“. Съ прилагательными Екатерина не согласилась, а существительныя—„мать отечества“—приняла, ибо она за долгъ почитала „любить подданныхъ, Богомъ ей врученныхъ“, и желала, чтобы и они ее любили. Такъ обставлено было знаменитое предпріятіе съ комиссіей Новаго Уложенія.

Послѣ торжествъ приступили къ дѣловымъ засѣданіямъ комиссіи, начавъ съ избранія въ общемъ ея собраніи спеціальныхъ комиссій, которыя служили бы для подготовки дѣлъ къ засѣданіямъ большой комиссіи. Сначала были избраны три комиссіи: дирекціонная, экспедиціонная и для разбора наказовъ, съ которыми депутаты были посланы отъ своихъ мѣстъ и сословій въ комиссію Уложенія. Дирекціонная комиссія должна была образовать, путемъ выборовъ въ общемъ собраніи депутатовъ, болѣе спеціальныя комиссіи для дѣлъ разнаго порядка,—юстиціи, торговли, вотчинныхъ дѣлъ—и наблюдать за ихъ дѣятельностью, контролируя итоги ихъ работы предъ внесеніемъ ихъ въ большую комиссію; экспедиціонная—должна была принять на себя редакціонную часть касательно всего того, что назначалось ко внесенію въ ту же большую комиссію. Когда съ этимъ предварительнымъ дѣломъ по организаціи депутатской работы было покончено, въ комиссіи Новаго Уложенія началось, именно съ 8-го ея засѣданія, чтеніе депутатскихъ наказовъ. Въ первый 1767 годъ существованія комиссіи засѣданія ея происходили въ Москвѣ, а въ 1768 году они были перенесены въ Петербургъ, гдѣ въ декабрѣ этого года

дѣятельность комиссіи Новаго Уложенія и прекратилась, за ея роспускомъ,—на обсужденіи закона о помѣстьяхъ и вотчинахъ.

XII.

Въ депутатскихъ наказахъ и въ преніяхъ, которыя были ими вызваны въ общихъ засѣданіяхъ комиссіи, рельефно выступили предъ взоромъ Екатерины тѣ непримиримыя жизненныя противорѣчія, которыя, за ея незнаніемъ русской жизни, не чувствовались ею раньше въ такой подавляющей мѣрѣ... Раньше она судила о русской жизни по тѣмъ преніямъ, которыя слышала въ сенатѣ, по тѣмъ разговорамъ, которые она слышала вокругъ себя и въ которыхъ сама принимала участіе,—и тогда она изъ всего этого выносила то общее впечатлѣніе, что у нея довольно искусства примирить болѣе или менѣе непріятныя противорѣчія. Но ни сужденія въ сенатѣ, ни разговоры во дворцѣ далеко не исчерпывали всего содержанія подлинной русской жизни. Теперь эта русская жизнь заговорила сама въ депутатскихъ наказахъ, „голосами“ самихъ ея представителей—депутатовъ,—и общее впечатлѣніе получилось иное. А такъ какъ требованія этой жизни были предъявлены суммарно, и соціальная борьба, существовавшая въ жизни, была какъ бы собрана въ одно мѣсто и продемонстрирована здѣсь предъ Екатериной, то неудивительно, что впечатлѣніе получилось прямо потрясающее: соціальныя столкновенія предстали предъ ней въ увеличенномъ видѣ, и она настолько была подавлена открывшейся предъ ней панорамой внутренней борьбы, что ничего не нашла сдѣлать другого, какъ поскорѣе ее закрыть...

Въ самомъ дѣлѣ, дифференціація обнаруживалась даже въ нѣдрахъ главенствующаго сословія—дворянства. Старинное столбовое дворянство, вопреки намѣреніямъ Петра

Великаго, не хотѣло мириться съ новымъ дворянствомъ, съ дворянствомъ „Табели о рангахъ“.

По отношенію къ другимъ сословіямъ и группамъ дворянство повело себя въ высшей степени властно. Оно, требовавшее въ добавленіе къ освобожденію отъ службы освобожденія отъ конфискаціи и тѣлеснаго наказанія, поставило себя во главѣ угла общественнаго зданія, доказывая, что именно оно,—дворянство,—является опорой престола. Исходя изъ такого положенія, дворянство въ своихъ наказахъ и устами своихъ депутатовъ, особенно кн. Щербатова, наиболѣе талантливаго выразителя идей и чувствъ столбового дворянства, требовало, чтобы право владѣть крестьянами и вотчинами было объявлено исключительною дворянскою привилегіей, и чтобы купечество не имѣло отнюдь никакого отношенія къ этому праву; сверхъ того, дворянство выразило стремленіе получить право на владѣніе фабриками, заводами, на занятіе торговлей, каковое испрашивалось имъ и для своихъ крѣпостныхъ, въ интересахъ, разумѣется, увеличенія съ нихъ оброчнаго дохода.

Купечество, наоборотъ, горой встало за исключительность права промышленности и торговли для себя, но отрицательно отнеслось къ исключительности, какую требовали дворяне касательно крѣпостного права: фабриканты и торговцы и для себя просили дозволенія покупать деревни и крестьянъ, указывая, что безъ крѣпостного труда и они не могутъ обойтись въ своихъ промышленныхъ и коммерческихъ предпріятіяхъ.

Такъ представители земельнаго капитала столкнулись съ представителями денежнаго; отпоръ дворянству со стороны буржуазіи былъ настолько силенъ, что дѣло дошло даже до указанія городскими депутатами на форму правленія въ Россіи, при коей не должны бы имѣть мѣсто исключительно дворянскія прерогативы: „Россія“, говорили купцы,—„имѣетъ въ себѣ отъ вѣка монархическое,

а не аристократическое владѣніе, и какъ подлый, такъ и благородный, словомъ всякаго рода и достоинства люди, всѣ равноподданнѣйшіе государыни". Это значило, что купцы не признавали народившагося жизненнаго факта— главенствующаго политическаго значенія дворянства: они апеллировали къ демократическому, скорѣе демогогическому характеру верховной власти въ тотъ моментъ, когда окончательно выяснился сословный дворянскій характеръ русской монархіи, когда это хорошо понимала сама Екатерина, вскорѣ и заявившая, что она предъ лицомъ дворянства не только императрица, но и помѣщица. Купцы не хотѣли оставить дворянамъ даже привилегію на шпагу, прося и для себя права на ношеніе этой эмблемы „благородства". Выходило очень непріятно. Городъ не оказывался послушной тяглой массой—въ немъ, по крайней мѣрѣ, въ высшихъ коммерческихъ слояхъ его, зарождалось самосознаніе, и его представители умѣли пользоваться аргументаціей, навѣянной далекимъ прошлымъ русскаго самодержавія. Это самосознаніе усматривается и изъ того, что въ городскихъ наказахъ настаивалось на необходимости дальнѣйшаго развитія городского самоуправленія въ сословномъ торгово-промышленномъ направленіи, подобно тому, какъ дворяне хлопотали о мѣстномъ, уѣздномъ и губернскомъ дворянскомъ самоуправленіи, стремясь захватить провинціальную администрацію и судъ въ свои руки. Вопросъ съ дворянскими прерогативами становился въ комиссіи тѣмъ острѣе, что и другія группы не желали соглашаться съ исключительнымъ правомъ дворянъ на крѣпостной трудъ: право имѣть крѣпостныхъ испрашивали себѣ казаки и церковь въ лицѣ ея синодскихъ представителей. Всѣ соціальныя группы жаловались на недостатокъ полицейскаго порядка и охраны въ Имперіи, но ни одна изъ нихъ съ такою энергіею не требовала усиленія репрессій противъ воровъ и разбойниковъ, какъ дворянство, настойчиво просившее пытокъ и

смертной казни для лихихъ людей. Это—послѣ выслушанья гуманныхъ „аксіомъ“ „Наказа“ по уголовному праву. И это понятно: дворянство наиболѣе терпѣло отъ воровъ и разбойниковъ, которые рекрутировались преимущественно изъ бѣглыхъ помѣщичьихъ крестьянъ. Противъ послѣднихъ дворянство также рекомендовало наистрожайшія мѣры, утверждая, что крестьяне бѣгутъ „безъ всякаго отъ владѣльцевъ своихъ отягощенія“, убиваютъ своихъ господъ, вслѣдствіе „безпричинной своей злости“. Лишь единичный дворянскій голосъ раздался въ защиту крѣпостныхъ: депутатъ отъ Козловскаго дворянства Коробьинъ указалъ, что жестокость помѣщиковъ—причина крестьянскаго бѣгства, но и этотъ „голосъ“ говорилъ лишь противъ злоупотребленій крѣпостного права, проектируя ограниченіе помѣщичьей власти надъ имуществомъ, а не надъ личностью крестьянъ; получалось новое противорѣчіе: предлагалось освободить вещи и оставить въ рабствѣ обладателя этихъ вещей—человѣка. Понятно, этотъ „голосъ“ тѣмъ скорѣе утонулъ въ громкомъ крѣпостническомъ хорѣ, участвовавшія въ коемъ соціальныя группы старались перекричать другъ друга въ своихъ требованіяхъ и просьбахъ о „рабахъ“. А между тѣмъ эти послѣдніе, то есть „рабы“, зашевелились: до ихъ сѣрой, убогой жизни доходили слухи о сочинявшихся новыхъ законахъ, и крестьяне начали волноваться, при чемъ, по разслѣдованіи одной челобитной крестьянъ и дворовыхъ на ихъ господъ, оказалось, что злонамѣренные люди „разсѣиваютъ“ „слухи о перемѣнѣ законовъ“. Дѣло становилось серьезнымъ. И въ самой комиссіи прорывалась среди дворянъ ненависть къ крестьянству, которое въ лицѣ черносошныхъ крестьянъ подверглось жестокимъ оскорбленіямъ отъ одного изъ дворянскихъ депутатовъ. Представители черносошныхъ крестьянъ вели себя въ комиссіи очень скромно: они представляли только слезницы, прося снизойти къ ихъ

Общественныя настроенія во время уложенной комиссіи.

трудному положенію. Всѣ группы указывали на недостатокъ правосудія, но никто изъ присутствовавшихъ въ комиссіи общественныхъ элементовъ такъ не страдалъ отъ этого недостатка, какъ самые мизинные люди, депутаты отъ черносошныхъ крестьянъ; указывая на бѣдствія, которыя ихъ братія претерпѣваетъ отъ неправосудія, они слезно молили объ улучшеніи суда. На одного изъ депутатовъ отъ этихъ людей, а также на депутата отъ близкихъ къ черносошнымъ крестьянамъ однодворцевъ, и напалъ дворянскій депутатъ съ такою поносною бранью, что былъ остановленъ маршаломъ, а за обиду, нанесенную всѣмъ черносошнымъ крестьянамъ, получилъ должное возмездіе отъ всего собранія[1]). Въ этомъ эпизодѣ нельзя не видѣть прорвавшихся наружу тѣхъ чувствъ, которыя другіе дворянскіе депутаты лучше умѣли скрывать... Сверхъ рѣзко выраженной сословной и классовой вражды, въ комиссіи Новаго Уложенія проявились и сепаратистическія стремленія окраинъ—остзейскихъ провинцій и Малороссіи. Екатерина и этимъ явленіемъ была сильно поражена, а сообщенія, которыя она получала отъ Румянцева изъ Малороссіи, еще болѣе разжигали ея неудовольствіе; онъ писалъ императрицѣ, что видѣлся съ пріѣхавшими на побывку депутатами и нашелъ ихъ „во всѣхъ ихъ развращенныхъ мысляхъ непремѣнно пребывающихъ“. И далѣе: „Тщеславились они здѣсь много тѣмъ, что лифляндцы имъ единонамѣренны въ удерживаніи своихъ правъ и вольностей“. Екатерина увидала, что своимъ предпріятіемъ удивить міръ она подняла изъ глубины Россіи и съ окраинъ ея массу противорѣчивыхъ интересовъ, всколыхнула и обострила непримиримыя чувства, о которыхъ она частью думала иначе, а частью и совсѣмъ не знала; она увидала предъ собой подлинную и въ яркомъ освѣщеніи Россію со всѣми ея вѣковыми

Почему закрыта была комиссія Новаго Уложенія.

[1]) Получилъ выговоръ, былъ оштрафованъ на 5 р. и долженъ былъ извиниться при всемъ собраніи у обиженнаго.

язвами и предразсудками,—громадную страну съ большими, борющимися между собой, классовыми аппетитами, но безъ общественнаго мнѣнія, безъ широкихъ идейныхъ стремленій и соціальной гуманности, страну, которая покоилась на милліонахъ рукъ, закованныхъ въ крѣпостныя цѣпи; она поняла, что пройти „ускореннымъ скокомъ“, не спотыкнувшись, между діаметрально противоположными сословными интересами, между непримиримыми сословными чувствами этой страны совершенно невозможно,—и она рѣшила удовольствоваться тѣмъ, что узнала, съ „кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещися должно“. Продолжать въ принятомъ направленіи законодательную работу показалось опаснымъ для „народнаго покоя“. Вотъ чѣмъ обусловливается роспускъ депутатовъ большой комиссіи Новаго Уложенія, фактическое ея закрытіе: Екатерина испугалась поднимавшейся сословной борьбы, разжигавшей страсти въ самой комиссіи и начавшей волновать главную массу населенія, оставшуюся за бортомъ всероссійскаго уложеннаго корабля, но съ глухимъ рокотаніемъ ждавшую перемѣны законовъ, ждавшую, что этотъ корабль привезетъ волю народу. Надо было въ самомъ началѣ задавить эту „иллюзію“, ибо на осуществленіе ея нельзя было имѣть ни малѣйшей надежды; надо было поскорѣе заставить забыть объ этой и другихъ иллюзіяхъ, не менѣе непріятныхъ для всероссійской императрицы, и потому было рѣшено поскорѣе спустить занавѣсъ, кончить „всенародное“ законодательное дѣло, имѣвшее цѣлью показать „примѣръ“ „всѣмъ монархамъ“; и сдѣлать это было тѣмъ удобнѣе, что можно было занять вниманіе Россіи, а кстати и Европы навернувшейся Турецкой войной... Такъ, подобно громадному мыльному пузырю, лопнула прошумѣвшая по всему образованному міру затѣя Екатерины составить законодательный кодексъ при помощи указаній и работы представителей отъ населенія управляемой ею страны, лопнула потому, что въ дальнѣйшемъ стихійномъ

соціолого-психологическомъ своемъ теченіи эта затѣя оказалась не въ интересахъ правительства и дворянства. Кромѣ того, эта затѣя была мертворожденной. Въ ней самой не было души. Екатерина, какъ личность, была не способна къ вдохновенному, запечатлѣнному самозабвеніемъ порыву, и ея разсмотрѣнная новаторская затѣя не вытекала изъ искренняго ея желанія содѣйствовать лучшему, хотя бы отчасти сходному съ естественнымъ правомъ, устроенію народной жизни, содѣйствовать по крайней мѣрѣ уменьшенію въ ней очевиднаго, разлагавшаго ее соціальнаго зла...

Петръ III преклонялся предъ прусскимъ королемъ [1]), котораго именовали „королемъ-философомъ"; Екатерина II—предъ „освободительными" публицистами, которыхъ „вѣкъ просвѣщенія" назвалъ „философами". Въ этихъ преклоненіяхъ чувствуется нѣкоторая аналогія; а если мы и найдемъ въ такой какъ-будто бы парадоксальной аналогіи черту, ее разрушающую, то это будетъ та грубая прямота, которая все же была свойственна легкомысленному и неудачливому императору и которая совершенно отсутствовала въ его предусмотрительной супругѣ, хорошо знавшей, когда нужно выбросить корку полезнаго и пріятнаго плода.

Госуд. публичная

[1]) Разумѣется, гл. обр. какъ предъ военнымъ авторитетомъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе 1
Глава первая. Петръ III и его царствованіе 3
» вторая. Характеристика Екатерины II. 43
» третья. Первые годы царствованія Екатерины II. 66

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

ПРОДАЮТСЯ:

ИСТОРИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ

С. Ф. ЛИБРОВИЧА

Императоръ подъ запретомъ. Двадцать четыре года русской исторіи (жизнь, царствованіе, заточеніе и смерть Іоанна III Антоновича). Съ портретами, снимками съ картинъ, медалей, монетъ, грамотъ и пр. Изд. Т-ва М. О. Вольфъ. Ц. 1 р., въ переп. 1 р. 75 к.

Признана Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. заслуживающей вниманія при пополненіи ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній (Отн. 13. III. 913. № 11552).

Царь или не царь? (Димитрій Самозванецъ). Историческая хроника, со снимками съ историческихъ картинъ, портретовъ, грамотъ, медалей и пр. Изд. Т-ва М. О. Вольфъ. Ц. 1 р., въ переп. 1 р. 75 к.

Признана Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. подлежащей включенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній (Отн. 14. IV. 912. № 624).

Необыкновенный рубль. Историческій очеркъ изъ временъ предполагавшагося, но не состоявшагося царствованія Константина Павловича; съ портр. и иллюстраціями. Изд. Т-ва М. О. Вольфъ. Ц. — р. 30 к.

Допущена Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебныхъ заведеній въ ротныя библіотеки кадетскихъ корпусовъ для чтенія кадетъ VI—VII классовъ.

Соперникъ царя Михаила Ѳеодоровича (Королевичъ Владиславъ). Историческій очеркъ, со снимками съ портретовъ, медалей, картинъ и пр. Изд. Т-ва М. О. Вольфъ. Ц. — р. 25 к.

Признана Мин. Нар. Просв. заслуживающей вниманія при пополненіи ученическихъ библіотекъ среднихъ учебн. завед. (Отн. 11. XII 913. № 5837).

Царица Агафія Семеновна. Записки вельможной панны изъ временъ конца XVII столѣтія; съ портретами, снимками съ картинъ и пр. Изд. Т-ва М. О. Вольфъ Ц. 75 коп., въ пер. 1 р. 50 к.

Внесена Мин. Нар. Просв. въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній (Отн. 25. II. 914. № 9863).

Исторія книги въ Россіи. Со снимками съ древнихъ рукописей, образцовъ первопечатныхъ книгъ и позднѣйшихъ рѣдкихъ изданій, портретами, копіями картинъ, гравюръ и пр., и пр. Изд. Т-ва М. О. Вольфъ. Часть I. Съ древнѣйшихъ временъ до конца XVII вѣка. Ц. 1 р., въ пер. 1 р. 75 к.

Рекомендована Главн. Управленіемъ Военно-Учебн. завед. въ ротныя библіотеки VI—VII классовъ кадет. корпусовъ. (Цирк. 914. № 14).

Царь въ плѣну (Василій Шуйскій). Историческій очеркъ изъ эпохи Смутнаго времени Московскаго государства и его отголоски въ дипломатическихъ сношеніяхъ Россіи и Польши. Изд. 2-е. Съ 40 илл. Изд. книгопечатни Трудъ и Польза. Ц. 1 р. — к.

Допущена въ первомъ и во второмъ изданіи Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. въ народныя читальни и библіотеки (Отн. 18. V. 905. № 6095).

Причислена Библіотечною Комиссіею Кіевскаго общества грамотности къ разряду сочиненій, которыя признаны безукоризненными со стороны содержанія и формы и доступными пониманію читателей развитыхъ.

Петръ Великій и женщины. Историческій очеркъ. Изд. книгопеч. Трудъ и Польза. Ц. 1 р. — к.

Поляки въ Сибири (Polacy w Syberji). Исторія пребыванія поляковъ въ Сибири съ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней (на польскомъ языкѣ). Краковъ. Изд. Г. Гебетнеръ и К°. Ц. 1 р. — к.

Пушкинъ въ портретахъ. Исторія изображеній поэта въ живописи, скульптурѣ и гравюрѣ. Съ 70 иллюстр. Изд. М. Стасюлевича. Ц. 3 р. — к.

Допущена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и включена въ каталогъ книгъ для народныхъ библіотекъ и читаленъ (Отн. 21. IV. 904. № 7821).

ИЗДАНІЯ Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ

И. И. ЗАМОТИНЪ

Проф. Имп. Варш. Ун-та.

РОМАНТИЗМЪ

ДВАДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ XIX СТОЛ.

ВЪ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ

Томъ I и II

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ ПРОСМОТРѢННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

8 д. л. 381 + 453 стр.

ЦѢНА КАЖДАГО ТОМА 2 РУБ.

Н. Н. ШУЛЬГОВСКІЙ

:: ТЕОРІЯ И ПРАКТИКА :: ПОЭТИЧЕСКАГО ТВОРЧЕСТВА

ТЕХНИЧЕСКІЯ НАЧАЛА СТИХОСЛОЖЕНІЯ

(УЧЕНІЕ О ПОСТРОЕНІИ СТИХА.—УЧЕНІЕ О ЗВУКОВОЙ ГАРМОНІИ СТИХА. — ВНѢШНІЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ФОРМЫ ПОЭТИЧЕСКИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ)

:: :: 8 Д. Л. XXIV + 522 СТР. :: ::

ЦѢНА 3 РУБЛЯ

ПЕТРОГРАДЪ
1) Гостиный Дворъ, 18 и 2) Невскій пр., 13

МОСКВА
1) Кузнецкій Мостъ, 12 и 2) Тверская ул., 22

10.02.04